This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

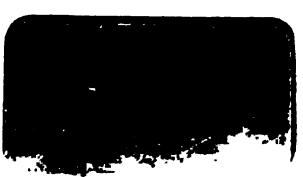
Slav 7115.8.431
КОРЖЕНІОВСКІЙ.
КАРПАТСКІЕ ГОРЦЫ
WIDENER
HN AHU K
Slav
7115
8
431
839.

839.

Slav 7115.8.431

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY



Digitized by Google

№ 217

Digitized by Google

Slav 7115. 8. 431

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
FEB 21 1928

Digitized by Google

КАРПАТСКІЕ ГОРЦЫ.

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Г. Коржениовскаго.

Пер. В. А—по.

(съ польскаго).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антонъ Ревизорчукъ, молодой горецъ.
Марья, его мать.
Пракседа, его невѣста.
Максимъ Тихончукъ, старый горецъ, дядя Пракседы.
Провопъ стрѣлокъ.
Анна, его жена.
Гершко, корчмарь въ мѣстечкѣ, недалеко отъ Жабы.
Фельдфебель.
Мандатарій въ Жабѣ, деревнѣ горцевъ.
Комиссаръ окружной изъ Кут.
Пѣхотный офицеръ.
Старые и молодые горцы обоего пола. Опришки. Солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ Карпатскихъ горахъ, между деревнею Жаба и Венгерскою границей при Черемошѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Открытое мѣсто передъ корчмою въ деревнѣ Жабѣ. Гуцулы, женщины и дѣвушки въ праздничномъ уборѣ; старики сидятъ за столами; молодежь различно группируясь, вертятся около женщинъ и дѣвушекъ. Мущины одѣты слѣдующимъ образомъ; овчинный полушубокъ безъ рукавовъ въ обтяжку шерстью внизъ; широкій поясъ, усѣянный мѣдными пуговицами; штаны грамотовые или красные, на которые спускается рубаха; башмаки кожаные, легкіе; за поясомъ ложка и пара пистолетовъ; волосы на головѣ длинные, падающіе кудрями на плечи; шляпа черная, круглая съ широкими полями и съ перомъ; на плечи наброшенъ коротенькій плащъ безъ рукавовъ, не достающій до колѣнъ, общитый по краямъ чернымъ снуркомъ и такимъ же снуркомъ прикрѣпленный къ шеѣ. Старики и молодые одѣты одинаково. У каждаго, безъ различія возраста, въ лѣвой рукѣ топоръ. Женщины одѣты, какъ галиціанки. У дѣвушекъ въ косахъ, обвитыхъ вокругъ головы, воткнуты бѣлыя костяныя шпильки, и ленты, спускаясь за ушами, падаютъ на грудь; рукава у рубашекъ вышиты; рубашки безъ воротовъ, но стянуты высоко подъ шеей, на которой множество нитокъ бисеру, кораллотъ съ дукатами.

При поднятіи занавѣса, слышны напѣвы извѣстной «кололійки» подъ аккомпанементъ флейты.

Digitized by Google

Хоръ (оканчиваетъ пѣсню).

Ужь вамъ больше не зазвонятъ
Звоны Коломеи.

Максимъ (встаетъ изъ за-стола и выходитъ на средину).

Эй, вы! Полно вамъ! Терпѣть не могу этой пѣсни. Ужь она вѣчно какую нибудь бѣду накличетъ.

Прокоша.

Отъ чего жь это, дядюшка Максимъ?

Максимъ.

А вотъ отъ чего. Когда меня брали въ рекруты, какой-то шутъ запѣлъ мнѣ въ ту пору эту пѣсню. Вотъ за это-то я и понянчился съ ружьемъ годковъ 15, да поносилъ черные ботфорты. Теперь, когда меня отпустили нѣмцы,—дай Богъ имъ здоровья,—и позволили увидѣть свои родные лѣса да полонины—я не хочу и во снѣ видѣть бѣлаго мундира. Эй, Ѳедя! Заиграй-ка ты мнѣ мою пѣсенку, а я—старый пропою вамъ ее по своему.

(Ѳедоръ выступаетъ съ флейтою; многіе собираются около него. Максимъ поетъ).

Червонный плащъ, въ рукѣ топоръ,
За поясомъ два пистолета—
Вотъ горца будничный уборъ,
Народа вольнаго примѣта!

Лишь свѣжій листъ покроетъ букъ
И горы чуть зазеленѣютъ,
Раздастся флейтъ и рога звукъ,
И сердце вновь помолодѣетъ.

Хребетъ ледяной рѣки не жметъ,
Черемушъ по скаламъ играетъ,
И въ добрый часъ Карпатъ ведетъ
Стада, и горюшка не знаетъ.

Вершины горъ покрыты сплошь
Травой, лишь вѣтръ ее волнуетъ,
Тамъ пашины ужь не найдешь,
Вершинъ никто тамъ не межуетъ.

Тамъ пастбища для нашихъ стадъ,
Находятся тамъ они на волѣ;

Digitized by Google

Тамъ всѣ равны, тамъ всякъ богатъ,
Тамъ сущее для насъ раздолье.

Когда-жь морозъ посеребритъ
Кудрявый лѣсъ своей порою,
Карпатъ верхомъ въ село летитъ
Гулять за чаркой круговою.

Горъ.

Червонный плащъ, въ рукѣ топоръ,
За поясомъ два пистолета —
Вотъ горца будничный уборъ,
Народа вольнаго примѣта!

Старикъ.

Спасибо, Максимъ, спасибо! Ты правду сказалъ. Такъ всегда оно бывало, и доброе было то время.

Одинъ изъ молодыхъ.

А теперь, батька, развѣ плохое? Глянь-ка на насъ,—не молодцы чтоль? Али взгляни сюда вотъ, чѣмъ не ягодки?

(Хватаетъ за руку одну изъ дѣвушекъ и показываетъ ее старикамъ; она вырывается и убѣгаетъ).

Старикъ.

Правда, хлопче! Для васъ и теперь доброе время; но можетъ наступить и дурное время. Намъ старикамъ все одно!

Молодой.

А,—будь что будетъ! А будетъ то, что Богъ дастъ, батьки.

Максимъ.

Хорошо ты сказалъ, люблю за это. Будетъ то, что Богъ дастъ. Ну, а теперь, за то, что вы похвалили мою пѣсенку,—шинкарка подай водки! Я плачу! (пьетъ) Добрая водка! Дай же еще и батькамъ. Пейте, батьки, за здоровье этихъ молодцовъ и этихъ ягодокъ?

Молодежь.

Благодаримъ!

Пракседа (подходитъ и треплетъ его подъ бороду).

И мы благодаримъ, дядюшка Максимъ.

Максимъ.

А ну, дѣти, чей топоръ лучше? Во время оно, когда еще не надѣвали на меня ботфортовъ, никто не смѣлъ потягаться съ Тихончукомъ; а теперь Богъ знаетъ. Прочь! Отойдите! Сколько шаговъ до этого дерева?

Нѣсколько голосовъ.

Шаговъ съ десять будетъ.

Digitized by Google

Максимъ.

Десять—ладно! Но сначала по старому. Давайте сюда шляпу. Кто хочетъ со мною бросать?

Нѣсколько голосовъ.

Я—я — мы!

Максимъ.

Ладно, ладно! Охота пуще неволи. То-то стыдно-то вамъ будетъ, когда васъ старый осрамитъ. Пракседа! держи! (даетъ ей шляпу) Ну, бросайте каждый сюда по пяти крейцеровъ. Кто съ десяти шаговъ отсѣчетъ эту вѣтку,—то все, что тутъ въ шляпѣ—будетъ его.

Прокопъ.

Постойте! (бросаетъ цванцигеръ).

Пракседа.

Ого! Какой щедрый! Цванцигеръ цѣлый!

Прокопъ.

Не безпокойся, моя милая. Онъ воротится ко мнѣ.

Пракседа.

Можетъ, и воротится отъ того, что между вами нѣтъ самаго перваго молодца.

Прокопъ.

Ктожь бы это такой? Ге?

Пракседа (передразнивая).

Ге! Будто не знаешь, о комъ я говорю. Коли-бъ онъ тутъ былъ, такъ я бы заложила и поралъ свой и дукать.

Прокопъ.

Для меня?

Пракседа.

Да, для тебя, завтра приди.

Максимъ.

Ужь не твой ли Антонъ Ревизорчукъ молодецъ такой? О, смотрите, какъ покраснѣла! Вѣрно, угадалъ. (Пракседа даетъ знакъ утвердительный съ плутоватой усмѣшкой). Если такъ, то подождемъ его.

Прокопъ.

Это еще что? Цѣлой громадѣ ждать одного, старикамъ—мальчишку!

Молодой.

Крѣпко не понутру ему тотъ Антонъ.

Пракседа (насмѣшливо).

Цванцигеръ—вѣдь это денежки.

Нѣсколько голосовъ.

Боится.

Digitized by Google

Прокопъ.

Ну, ждите, если хотите! (въ сторону). У, проклятый молокососъ!

Молодой.

Нечего ждать; вотъ онъ самъ идетъ.

Антонъ (шибко входитъ).

Что тутъ такое? Что это у тебя въ рукахъ, Пракседа?

Пракседа.

Подержи, Антонъ! (отдаетъ ему шляпу, а сама снимаетъ кораллы и бросаетъ ихъ туда). Да смотришь, не выдай меня, Боже тебя сохрани! (грозитъ).

Антонъ.

Что это значитъ?

Максимъ.

Закладъ, Антоша! Кто въ десяти шагахъ отсѣчетъ эту вѣтку, тотъ возьметъ все, что въ шляпѣ.

Пракседа.

И кораллы мои—не забудь себѣ.

Антонъ.

Ладно! Только чтожь тамъ въ десяти шагахъ! Это пустяки. Въ двадцати!

Прокопъ.

И я въ двадцати!

Другіе.

И мы, и мы.

Антонъ.

Старому можно и въ десяти.

Максимъ.

А шишь не хочешь? И я, какъ всѣ. Не попаду,—скажете, что старъ, ну и баста. Коли попалъ бы въ десять, то вы сказали бы: невелика штука! Нѣтъ, не хочу. А тамъ, пожалуй, взялъ бы и кораллы Пракседы, а они ужь вѣрно не для меня.

Пракседа.

Нѣтъ, дядюшка, не для тебя.

Максимъ.

То-то и есть. Ну, отмѣривайте шаги. Я начинаю. (отмѣриваетъ. Максимъ становится и бросаетъ топоръ).

Всѣ.

Мимо!

Старики (за столомъ).

Ступай, братъ Максимъ, къ намъ за столъ! Это не по нашей части.

Нѣсколько голосовъ.

Кто теперь?

Digitized by Google

Максимъ.

Пусть Пракседа выкликаетъ.

Антонъ (въ подголоса).

Пракседа! Мнѣ подъ конецъ.

Пракседа (кричитъ).

Ѳедя! (*тотъ бросаетъ*).

Нѣсколько голосовъ.

Мимо!

Пракседа.

Черный! (*тотъ тоже бросаетъ*).

Голоса.

Мимо!

Нѣсколько голосовъ.

Да слишкомъ далеко. Мы не хотимъ!

Прокопъ.

Пустите-жь меня! Пракседа, зови!

Пракседа.

Стрѣлокъ! Наушникъ мандатарія? (Прокопъ выходитъ). Ахъ, это вы, Прокопъ? (всѣ смѣются. Прокопъ бросаетъ топоръ).

Одинъ изъ молодыхъ.

Задѣть-то задѣлъ, да не отсѣкъ. Жаль!

Пракседа (насмѣшливо).

Жаль цванцигера! Можетъ, самъ мандатарій далъ его за какую нибудь добрую клаузу.

Антонъ.

Молчи, Пракседа!

Прокопъ.

И я скажу—молчи. Послѣ смѣха не быть бы слезамъ.

Антонъ.

Только, пожалуста, не грози ей. Она—моя; а я, ты знаешь, не пугливаго десятка. Ну, Пракседа!

Пракседа.

Антонъ! (показываетъ ему съ улыбкой кораллы).

Прокопъ.

Постойте! А если онъ не отсѣчетъ? Вѣдь я же задѣлъ таки вѣтку топоромъ.

Всѣ.

Старшіе разсудятъ.

Пракседа (топнувъ ногой).

Обойдется безъ того! Кто сказалъ, что не отсѣчетъ?

Digitized by Google

Антонъ.

Сторонись! (бросаетъ топоръ. Нѣсколько человѣкъ бѣгутъ и приносятъ его).

Молодежь.

Смотрите! Какъ бритвой отрѣзалъ! (Пракседа бросается ему на шею. Антонъ отдаетъ ей кораллы. Она достаетъ цванцигеръ, показываетъ его стрѣлку, который, при общемъ смѣхѣ, отворачивается).

Антонъ.

Хозяйка! Пива за всѣ эти крейцеры! Пейте, хлопцы! Какъ знать, что завтра будетъ. (Пьетъ; потомъ, схвативъ Пракседу) Ѳедя, Валяй! (танцуетъ).

Молодежь (обезпокоенная, останавливаетъ его).

Перестань, Антонъ! Скажи, ты что нибудь знаешь?

Антонъ.

Конечно, знаю. Я, видите, былъ въ Яворовѣ. Тамъ мнѣ попались знакомые господа, ѣхавшіе въ Буркутъ. Прошлымъ лѣтомъ я служилъ имъ. Добрые господа! Я полюбилъ ихъ, и они меня полюбили. Они ходили со мной въ запуски на Черную гору—я пѣшкомъ, а они верхомъ. Не одинъ цванцигеръ я взялъ отъ нихъ за то, что спускалъ еловый пень съ горы, бросалъ за нимъ топоръ, догонялъ его, и схвативъ за топорище, удерживалъ на мѣстѣ. Э, да и вы это умѣете!»

Молодецъ.

Ну, не всякій потрафитъ.

Прокопъ.

Чтожь они тебѣ сказали?

Антонъ.

Ого! какой любопытный. Ваша жинка близка. Ты хоть и стрѣлокъ, но не лисицу выгонишь изъ норы, не за серной гонишься по обрывамъ, не съ медвѣдемъ возишься на полонинахъ, а ловишь, братецъ, гуцула и отдаешь его нѣмцамъ. Пошелъ же прочь! Что я имъ скажу, то передастъ тебѣ на ушко мандатарій.

Прокопъ (въ полголоса).

Можетъ, ужъ и передалъ. (отходитъ).

Одинъ изъ молодыхъ.

Антонъ! Да говори же, что они тебѣ сказали!

Другой.

Говори, ради Бога! Мнѣ такъ и кажется, что нѣмецкая рука щекочетъ меня по шеѣ.

Антонъ.

Вотъ что сказали. Панъ Янъ Мелбаховскій лишь только меня увидѣлъ, то и сказалъ: а что, Антонъ, бѣда-то не за горами. У насъ ужъ берутъ рекрутовъ.

Молодцы.

Рекрутовъ?!

Digitized by Google

Женщины.

Рекрутовъ!?

Дѣвушки.

Рекрутовъ! Ахъ Боже мой!

Антонъ.

«Посланы ужь и къ намъ приказы, сказалъ пану Яну крейсгаутманъ Коломійскій. Берегись, Антонъ, чтобъ и тебя бѣда не постигла,—прибавила пани Мелбаховская.—Воля Божія, воля цесарская, вельможна пани,—отвѣчалъ я. Я не боюсь; у меня есть предлогъ. Я вѣдь одиночка у своей матери.

Проконъ (въ сторону).

Немного это поможетъ.

Одинъ изъ молодыхъ.

Счастливецъ! А я такъ нѣтъ.

Другой.

Чорта тамъ будешь одиночкой, когда это нужно! У меня братьевъ и сестеръ, словно ягнятъ въ отарѣ.

Многіе.

Ой плохо! Ой нехорошо!

Максимъ (выводитъ ихъ напередъ).

Ты не одинъ у матери, а ты не одинъ у отца?

Нѣсколько голосовъ.

Ой, нѣтъ, дядя Максимъ!

Максимъ.

Ну, такъ чтожь изъ того? Поглядите-ка, хлопцы, что тутъ впереди?

Такіе.

Да чтожь! Горы.

Максимъ.

А въ горахъ тамъ мѣста, куда нѣмецъ и нога цезарскаго, а въ горахъ скалы и пропасти, гдѣ ты пролежишь подъ камнемъ до свѣтопредставленія: сто нѣмцевъ пройдутъ мимо, и ни одна бестія тебя не увидитъ; а въ горахъ ели ужь полсотни лѣтъ лежатъ другъ на другѣ; промежь ними не найдетъ васъ и гончая собака, не токма что какая нибудь табашная ноздря—нѣмецкій стражникъ. Эхъ вы, глупыя головы! Большая бѣда!

Молодой.

Спасибо, дядя Максимъ, за доброе слово!

Прочіе.

Хлопцы! Нечего терять время! Бывайте здоровы, батьки! Бывайте здоровы, матки! Бывайте здоровы, дѣвчата! (уходятъ).

Digitized by Google

Старикъ.

Пора и намъ домой. Спасибо, Антонина, за пиво! (встаютъ и расходятся).

Антонъ (указываетъ на Прокопа)

Его поблагодарите, батьки; то его цванцигеръ. Пракседа! Ступай ты домой, а я пойду къ матери. (Выходитъ).

(Девушки, взявшись за руки, уходятъ напѣвая):

Далеко ихъ всѣхъ погонятъ
Съ веревкой на шеѣ;
Ужь имъ больше не зазвонятъ
Звоны Коломеи.

(Пѣснь пропадаетъ вдали. Всѣ разошлись. Остается одинъ Прокопъ; онъ стоитъ въ сторонѣ задумавшись).

Прокопъ

Дѣлай что хочешь,—не поможетъ. Корми пса за-одно съ волкомъ,—почуютъ силы—погрызутся. Столько тутъ хлопцевъ молодыхъ, бравыхъ, и всѣ меня уважаютъ, какъ старшаго; когда я, напримѣръ, являюсь между ними, всѣ поклонятся и попотчуютъ, какъ должно. Съ ними давай Богъ жить; можно и поговорить и погулять. А этотъ проклятый молокососъ только что появится, голову къ верху, носъ задеретъ, и смотритъ на меня, словно съ горы какой. Нѣтъ, какъ хотите, а намъ двумъ на свѣтѣ Божьемъ тѣсно. И чортъ знаетъ, за что его всѣ такъ уважаютъ! Стоитъ ему только показаться, всѣ и вытаращатъ на него глаза. Пусть ужь дѣвки,—ну это не диво: 23 года, бѣлое лицо, черные усики, славные кудри. Да старые-то зачѣмъ слушаютъ его рѣчи? (черезъ минуту) Рекруты... что, еслибъ его выстричь, какъ барана, отнять у него этотъ проклятый топоръ, да всучить ему въ руки ружье и затянуть въ тѣсный мундиръ, чтобъ онъ былъ похожъ на побѣленнаго нѣмца—га, это было бы славно; легче бъ стало на сердцѣ. (останавливается въ раздумьи) Ну, да чтожь? Трудно, нельзя. Десятерымъ не дастся, да и одиночка у матери. А, да вотъ кстати панъ мандатарій. Авось онъ пособитъ моему горю. Ого! должно быть знаетъ что нибудь; выступаетъ степными шагами и губы отдулъ. Онъ—точно быкъ, наѣстся и лежитъ себѣ покойно да пережевываетъ въ ожиданіи пойла.

Мандатарій (входитъ медленно).

А что, Прокопъ?

Прокопъ.

Не знаю, вельможный пане.

Мандатарій.

А я знаю; то есть, пришелъ приказъ изъ округа, велѣно набирать рекрутовъ.

Прокопъ.

Рекрутовъ? Откудажь ихъ взять, вельможный пане?

Digitized by Google

Мандатарій.

Какъ откуда взять? Развѣ у насъ мало ребятъ, то есть, способныхъ носить ружье?—Вели-ка подать мнѣ пива!

Прокопъ (стучитъ въ окно корчмы и подаетъ ему кружку пива).

Правда, вельможный пане, да гдѣжь они? Ни одного не найдешь.

Мандатарій (попивая).

А вы-то чтожь, то есть, стрѣлки и рядовые? Другіе гуцулы отбываютъ панщину, то есть 12 дней въ году, лазятъ по горамъ, рубятъ ели да плоты дѣлаютъ. Вамъ нѣтъ надобности сплавлять что нибудь въ Куты; исполняйте лишь мои приказанія. Для того я и мандатарій, чтобы приказывать вамъ брать рекрутовъ; а вы для того и стрѣлки, чтобы ловить ихъ и брать. Ну что?

Прокопъ.

Все это правда, вельможный пане, и все это легко, если хлопцы не знаютъ, когда нападутъ на нихъ, какъ въ норѣ на лисицу. Но когда они разбѣгутся по горамъ, позалазятъ въ норы, какъ кроты, попрячутся въ разсѣлины, какъ ящерицы, поприцѣпятся къ елямъ, какъ дятлы, тогда и самъ чортъ ихъ не найдетъ.

Мандатарій.

Откуда жь они знаютъ, то есть, кто имъ это сказалъ?

Прокопъ.

Ктожь всегда больше знаетъ, какъ не господа, которые проѣзжаютъ въ Буркутъ? А кто чаще всего съ господами, какъ не Антонъ Ревизорчукъ? Вотъ и сегодня пришелъ изъ Яворова и давай трубить тутъ, при всѣхъ, что ужь посланъ приказъ.

Мандатарій.

То есть, ко мнѣ?

Прокопъ.

Этого не говорилъ онъ, вельможный пане.

Мандатарій.

Ахъ, онъ разбойникъ! Да къ комужь изъ округа можетъ прійти приказъ—а?

Прокопъ.

Конечно, что... но онъ и не вспомнилъ о вельможномъ панѣ; точно какъ будто вельможнаго пана и на свѣтѣ не было. Такъ таки просто и разсказалъ всѣмъ. Ребята мои, видя, что тутъ не шутки, давай Богъ ноги, да и удрали въ горы всѣ до одного.

Мандатарій.

Это скверно, это погано!—Вели-ка дать мнѣ пива!

Прокопъ (въ сторону).

А, чтобъ тебя черти взяли! Вѣдь все это я заплачу. (*Вслухъ*) Вельможный пане!

Digitized by Google

Мандатарій (вокругъ кружку).

Что?

Прокопъ.

Такъ какъ онъ разогналъ способныхъ ребятъ, такъ пускай же самъ идетъ въ рекруты. Я говорю вельможному пану, пока онъ тутъ будетъ,—не жди ни повиновенія, ни почтенія къ старшимъ. Случается, что въ народѣ повздорятъ, подерутся такъ, что могло бы затѣяться хорошенькое дѣльцо, выгодное для вельможнаго пана,—чтожь выходитъ? Ничего. Гдѣ ссора, тутъ и онъ; явится, скажетъ слово — и миръ. А его развѣ дѣло унимать ссоры? Развѣ ему, а не мандатарію слѣдъ разбирать,—кто правъ, кто виноватъ?

Мандатарій.

А натурально, мандатарію.

Прокопъ.

Когда, напримѣръ, здѣсь, вотъ какъ и сегодня, въ воскресенье чтоль, али въ праздникъ какой соберутся у корчмы старики, молодцы, бабы и дѣвки,—лишь только онъ покажется, всѣ и вытаращатъ на него глаза; тотъ кланяется, другой здоровается. А ему развѣ должны всѣ тутъ кланяться!

Мандатарій (важничая).

Натурально, не ему.

Прокопъ.

Когда придется кого нибудь послать этакъ, вотъ, напримѣръ, когда какой нибудь панъ ѣдетъ изъ округа въ Буркутъ и надо дать ему прислугу,—ходишь—ходишь, и кричишь, и приказываешь, и говоришь, что панъ мандатарій велѣлъ, — куда тебѣ! Знать не хотятъ: «нема, дастъ Бігъ.» Пускай же пробѣжитъ какой нибудь панъ, его знакомый; только завихнется-ого! двадцать гуцуловъ явятся верхомъ прежде чѣмъ успѣешь *Отче нашъ* проговорить.

Мандатарій

Гмъ,—такъ вотъ онъ какой!—Вели-ка дать мнѣ пива!

Прокопъ.

Сегодня, напримѣръ, говорилъ, что онъ одиночка, что онъ смѣется и надъ приказомъ и надъ мандатаріемъ.

Мандатарій.

Ну, пусть себѣ надъ приказомъ, да какъ же надъ мандатаріемъ-то? Ахъ, онъ разбойникъ!

Прокопъ.

Его, вельможный пане, непремѣнно надо отдать въ рекруты.

Мандатарій.

Отдать, непремѣнно отдать!

Digitized by Google

Прокопъ.

Чтожь изъ того, что онъ одиночка у матери? Можно написать, что онъ ярыга, разгоняетъ рекрутовъ, перевозитъ контрабанду отъ венгерцевъ, дерется съ объѣздчиками...

Мандатарій.

Сидится надъ приказами...

Прокопъ.

Не повинуется начальству.

Мандатарій.

Что всѣ слушаютъ его, а не мандатарія.

Прокопъ.

Можетъ, еще вельможный панъ прикажетъ подать себѣ пива?

Мандатарій.

Давай, давай, а его бери! Я съ нимъ напишу донесеніе.

Прокопъ.

Слушаю, вельможный панѣ. (про себя) Надобно жь мнѣ повести это дѣло искусно, а то не вотъ-то его возьмешь. Это сущій медвѣдь; неравно вцѣпится своими когтями въ мою голову,—не выкрутишься тогда.

Мандатарій.

Иди и дѣйствуй caute et prudenter, а я, между тѣмъ, пойду, полежу немножко. Эти служебные хлопоты совсѣмъ меня измучили.

СЦЕНА II.

Изба въ домѣ Антона.

Марта (въ дверяхъ).

Эй, сынокъ Антоша! Глазокъ ты мой дорогой!

Антонъ (входитъ).

Что, добрая матушка?

Марта (цалуетъ его).

Какъ же я давно не видала тебя!

Антонъ.

Пять дней только, матушка. Неужьто это такъ много?

Марта.

Для матери и пять часовъ много, — да гдѣ тебѣ понять это! (слегка ударивъ его по лицу) У, неблагодарный!

Антонъ.

Матушка! Я люблю тебя больше себя, больше моей жизни, больше Пракседы.

Digitized by Google

Марта.

Голубчикъ ты мой! Золото ты мое! Ужьли таки я не вѣрю твоему сердцу? Вѣдь и ты знаешь, что безъ тебя тошно было бы мнѣ на свѣтѣ бѣломъ. Да какая голова-то горячая у тебя! Сядь, радость моя. Усталъ, милый мой.

Антонъ.

Бѣжалъ скоро, милая матушка! Пять дней не видалъ тебя.

Марта.

А ты жь говорилъ, что это немного. То-то и есть-то, лгунъ.

Антонъ.

Я бѣжалъ къ тебѣ и къ Пракседѣ.

Марта (снимаетъ съ него плащъ).

Добрая дѣвушка! Пусть же васъ Богъ благословитъ. Дай-ка сюда и пистолеты эти; они тебѣ мѣшаютъ. (вынимаетъ пистолеты и кладетъ ихъ въ сторону).

Антонъ.

Нѣтъ, матушка. Оружіе не въ тягость горцу; а топоръ сросся съ его рукой.

Марта (отсовываетъ топоръ по лавкѣ и садится).

Теперь онъ тебѣ ненуженъ. Садись же тутъ, сыночикъ; положи головушку ко мнѣ на колѣни—вотъ такъ. (Антонъ садится на низенькой лавочкѣ спиною къ переднимъ дверямъ, кладетъ голову на колѣни матери, закрываетъ глаза и черезъ минуту засыпаетъ). Видишь, гуляка! Пять дней бѣгалъ по горамъ, а воротившись сначала побѣжалъ къ корчмѣ, а не домой, пошелъ взглянуть на свою Пракседу, а не на меня. А я такъ давно не причесывала тебѣ головку; такъ давно не цаловала твоихъ кудрей (играетъ его кудрями. В эту пору Прокопъ и прочіе стрѣлки показываются въ отворенныя двери и тихо скрываются, выжидая удобной минуты). Головушка ты моя милая! Глаза бы выдрала тому, кто дотронулся бы до волоска одного. Но нѣтъ, никому не достать этихъ кудрей! Я дала своему сынку крѣпкую руку и неробкое сердце. Люди знаютъ, какая мать породила тебя. Стоитъ только взглянуть тебѣ въ очи, стоитъ послышать лишь твой голосъ,—и всякій скажетъ: это орелъ Карпатскій! (прислушивается) Но что это? Отъ чего онъ тяжко такъ дышетъ? Молчитъ. Заснулъ, мое бѣдное дитятко. На здоровье, радость ты моя!

(наклоняется къ головѣ его и, охвативъ ее руками, молчитъ. Въ эту минуту тихо входятъ стрѣлки, охватываютъ Антона и вяжутъ его веревками. Одинъ изъ стрѣлковъ бросается къ оружію его и уноситъ.)

Марта (вскакиваетъ).

Ахъ, вы разбойники!

Антонъ (встряхивается; стрѣлки отскакиваютъ и снова его хватаютъ.)

Что вамъ отъ меня нужно?

Прокопъ.

Пойдешь, братъ, подъ ружье, вотъ и вся недолга.

Марта.

Что? Подъ ружье? Мое дѣтище подъ ружье?! Не дождаться вамъ этого! По какому праву? Вѣдь онъ у меня одинъ, какъ солнце на небѣ. Ахъ, ты собака гончая! Ты всегда лаялъ на него.

Прокопъ.

Теперь ужь не буду. Медвѣдь связанъ, словно баранъ. Не безпокойтесь; изъ него будетъ добрый солдатъ.

Антонъ.

Дуракъ! Не радуйся заранѣе. Не бойсь, матушка. Законъ ясенъ и всѣмъ извѣстенъ; они его не переварятъ, не проглотятъ. Я—одиночка; пустите меня! (хочетъ вырваться, но напрасно).

Прокопъ.

Ого! Да какой ты разумный, словно мандатарій! А того не знаешь, что тебя выставили, какъ негодяя, что ты разогналъ рекрутовъ, что ты табакъ провозишь...

Антонъ.

Развяжи мнѣ прежде руки, и тогда говори.

Прокопъ.

Нашелъ дурака!

Антонъ.

Матушка! Я такъ тебя любилъ, а ты взяла отъ меня топоръ мой и пистолеты, ты меня укачала на колѣняхъ и спящаго отдала меня имъ въ руки.

Марта.

Кто? Я отдала? Да, правда! О, я несчастная!

Прокопъ.

Ведите же его!

Марта (вырвавшись, бросается сыну на шею).

Никто не возьметъ его изъ рукъ моихъ! Развѣ вы забыли, что безъ него нѣтъ для меня ни дня, ни неба? Попробуйте-ка оторвать его отъ меня, попробуйте, если хотите, чтобъ я ногтями этими выдрала вамъ глаза! Я васъ прокляну! Пустите его!

Прокопъ.

Пусти ты его, глупая старуха! Простись съ нимъ; онъ ужь не твой.

Марта.

Не мой? Развѣ эта рука, которою ты меня толкаешь, не моя? Развѣ

Digitized by Google

этотъ собачій языкъ, которымъ ты клевещешь, не твой? Держись за меня, сынъ, держись, мое дитятко, какъ держался ты тогда, когда еще на свѣтъ не выходилъ! Пусть насъ тащутъ вмѣстѣ! Есть постарше этихъ негодяевъ, которые поймутъ, можетъ быть, голосъ матери. Это — собаки, а тамъ, можетъ, есть люди, которые и чувствуютъ полюдски.

Прокопъ.

Э, да полно же! Прочь, старая вѣдьма! (отрываетъ ея руки; когда и это не помогаетъ, хватаетъ ее за волосы и оттаскиваетъ. Марта падаетъ; она хочетъ вздняться, Прокопъ толкаетъ ее въ грудь ногой и кричитъ). Ну, разини! Чего жь вы ждете? Ведите его!

Антонъ (въ отчаяніи).

Га!—Ну, ведите меня. Будь здорова, матушка! Жди меня! (Прокопу) Жди и ты меня! Къ тебѣ-то ужь я навѣрное приду. (Антона уводятъ).

Прокопъ.

Ладно, ладно, посмотримъ (выходитъ за ними).

Марта (черезъ минуту поднимается на мѣстѣ).

Что тутъ такое сдѣлалось? Какъ темно у меня въ глазахъ! (оглядывается вокругъ). Охъ! взяли его! Что жь я буду дѣлать? Бѣжать за ними, вырвать его изъ рукъ ихъ,—охъ, напрасно! Пойти къ старшимъ, завопить передъ ними: отдайте мнѣ сына! крикнуть такъ, чтобъ вопль матери Самъ Богъ въ небѣ услышалъ и смягчилъ ихъ сердца, — и это напрасно! Всѣ они изъ камня. Проклятая, горькая моя доля! Никого нѣтъ, кто бы сжалился надъ старухою, кто бы убилъ мать, которая сама отдала своего единороднаго въ руки разбойниковъ! Сжальтесь надо мною! Убейте меня! (падаетъ навзничь).

Пракседа (вбѣгаетъ).

Матушка, матушка! Что я слышу? Гдѣ онъ?

Марта (поднимаетъ голову).

А, гдѣ онъ? Ты теперь только пришла? Надо было тогда прійти, когда его брали, и не давать; надо было зубами перегрызть его веревки, дать ему въ руки топоръ, чтобъ онъ лбы имъ раскроилъ! Взяли его, говорю тебѣ, связали, въ рекруты повели.

Пракседа.

О, я несчастная!

Марта (встаетъ).

А, теперь несчастная! А зачѣмъ ты оставалась тамъ у корчмы? Зачѣмъ думала только о пляскахъ? Хотѣлось, чтобъ тебя хвалили, а тутъ изъ рукъ матери вырвали сына, отняли у тебя милаго друга и мужа! Да ты найдешь себѣ другаго такого,—а, найдешь вѣдь? Хоть не такого, а все найдешь; для матери-то только онъ былъ одинъ, и другаго ужь не будетъ.

Digitized by Google

Пракседа.

Перестань, матушка, не плачь! Потеря наша одинакова, но не одинаковы силы. Слушай меня: я приведу, и отдамъ его тебѣ. Богъ меня покарай, если я вплету хоть одну ленту въ мою косу, если хоть одна бисеринка будетъ на моей шеѣ, если съѣмъ щепотку соли, пока не ворочу, не отдамъ его тебѣ, матушка!

Марта.

Пракседа! Душка! Рыбка ты моя! Чернобровая, красавица ты моя! О, ступай, ступай, возьми его у нихъ! Или нѣтъ, слушай: прокрадься тихонько и развяжи его веревки,—увидишь тогда, какъ онъ перебьетъ ихъ, размозжитъ ихъ головы о скалы. (черезъ минуту). О Боже мой! У меня въ головѣ путается! Все это напрасно. Поди сюда, дочка! Ты теперь одна у меня осталась.

Пракседа (плачетъ).

Матушка! Какъ же это было?

Марта.

Вотъ какъ это было. Онъ сидѣлъ тутъ, а я усѣлась вотъ гдѣ; я положила его голову на колѣни къ себѣ, и сама еще, сама взяла у него пистолеты, отодвинула туда топоръ его. Онъ, бѣдненькій, былъ измученъ; хорошо ему было на колѣняхъ матери,—онъ и уснулъ; а они въ эту пору вошли тихо, какъ дикіе звѣри, и схватили орла моего ненаглядного. (Закрываетъ лицо свое и рыдаетъ).

Максимъ (входитъ).

Ой, матка, матка! Тяжка бѣда твоя!

Марта.

Ахъ, это вы, кумъ? Взяли его!

Максимъ.

Знаю, матка, знаю. Видѣлъ, какъ они торопились. Заковали его въ кандалы и на плоту отправили въ Куты.

Марта.

Что! Въ кандалы моего единороднаго? Неправда, неправда! Пустите меня! Я сама пойду!

Максимъ.

Богъ съ тобой! Онъ ужъ теперь въ Криворовнѣ. Сегодня вечеромъ будетъ въ Косовѣ. Черемошъ въ половодьѣ; онъ шумитъ и пѣнится, и набокъ понесъ твоего сына. Не тебѣ, старуха, унять его волнами. Успокойся. Не упросишь рѣку остановиться, не умолишь людей расковать кандалы твоего сына.

Пракседа.

Матушка и ты дядюшка! Послушайте меня. Я молода и неопытна;

Digitized by Google

кромѣ вершинъ горъ нашихъ, ничего еще не видѣла на свѣтѣ. Но я люблю его. Матушка! Для меня и для тебя нѣтъ безъ него жизни на бѣломъ свѣтѣ; примите же совѣтъ мой. Чего не додумаетъ голова, то договоритъ сердце,—тутъ хоть и мало, да здѣсь-то полно: есть и любовь, есть и отвага, и хотѣніе жить съ нимъ, или умереть. Матушка! Я поклялась, что отдамъ его тебѣ, и исполню это; пустите только меня, и не говорите никому, куда я пошла. Скажите, что я убѣжала въ горы, бросилась со скалы и разбила себѣ голову о камни. Люди повѣрятъ; они знаютъ, что я сумасшедшая, и что онъ стоитъ такой любви, какъ моя. А я пойду, пойду. Широка ты земля, но и ноги мои крѣпки, и око быстро. Я найду его и приведу къ тебѣ, матушка.

Марта.

Пракседа! Жизнь моя! О, бѣги, бѣги жь проворнѣй! А то они загонятъ его на край свѣта.

Максимъ.

Слушай, Пракседа. Сердце-то у тебя доброе, да умъ коротокъ. Знаешь ли ты, сколько у нихъ земли? Знаешь ли ты, куда пошлютъ его на службу? Знаешь ли ты, какимъ языкомъ говорятъ тамъ, гдѣ онъ будетъ тосковать по тебѣ и по матери? Знаешь ли ты, дѣвчина, сколько у нихъ народу ходитъ подъ ружьемъ и какъ межь сотнею тысячъ найти одного? Э, глупая ты голова! Пойдешь и пропадешь ни за что: и ноги истопчешь, и глаза выглядишь, и все понапрасну. Но желаніе твое доброе и мысль разумная. Ты пойдешь, дѣвчина, но пойдешь со мною. Я исходилъ ихъ край вдоль и поперекъ, и знаю, какъ распросить въ арміи про солдата.

Марта.

Куме! О, Богъ вамъ заплатитъ за это! Я такъ ослабѣла, что и добрымъ словомъ не могу поблагодарить васъ! (садится и плачетъ).

Пракседа.

Такъ ты, дядюшка, въ самомъ дѣлѣ хочешь идти со мной?

Максимъ.

Ого! Да развѣ я тебя когда нибудь обманывалъ?

Пракседа (бросается ему на шею):

Дядюшка! Золотой ты мой! Ненаглядный мой! Пойдемъ же, пойдемъ скорѣй!

Максимъ.

Пойдемъ, милая. Счастливо оставаться, матко; будь терпѣлива и уповай на Бога.

Пракседа (падаетъ ей въ ноги).

Матушка! Благослови! (Марта креститъ ее; занавѣсъ опускается).

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Изба въ корчмѣ подъ Львовымъ. Входитъ Гершко со свѣчой въ рукѣ; за нимъ Максимъ и Пракседа, одѣтые какъ мѣстные крестьяне; оба съ котомками за плечами; у Максима, кромѣ того, топоръ за поясомъ.

Гершко.

Нэ, и для чего жь не можно переночевать? У меня тутъ разные ночуютъ; у меня всѣ паны ночуютъ, какъ ѣдутъ до Львова.

Максимъ.

Спасибо, господинъ арендаторъ. Такъ—уголокъ маленькій на лавкѣ, чтобы было гдѣ голову приклонить.

Гершко.

Вонъ тамъ себѣ присядьте. Развѣ какъ пріѣдетъ панъ какой, то вы пойдете въ другую избу. Три дня тому панъ Скарбекъ кормилъ у меня коней, и говорилъ, что и назадъ когда поѣдетъ, то будетъ ночевать. Нэ, откуджь ты?

Максимъ.

Я изъ Березовки плотникъ, а это моя дочка. Идемъ на работу.

Гершко.

Работа и у насъ найдется. Зачѣмъ далеко искать работы? Кто хочетъ работать, тотъ всегда найдетъ работу; кому нужно пса ударить, то палка найдется.

Максимъ.

Да мы-то не любимъ быть безъ дѣла.

Гершко.

Кто не любитъ быть безъ дѣла, того денежки любятъ и плотно держатся, какъ рубаха къ тѣлу.

Максимъ.

Слава Богу, добрый Гершко, голоду не боимся. Вотъ дай-ка мнѣ добрый стаканчикъ водки и закусить чего нибудь, а моей дѣвкѣ кусокъ хлѣба и сметанки вели принести. Вечерять ужь поздо.

Digitized by Google

Гершко.

Какъ же не поздо? Ужь девять часовъ. (наливаетъ водку).

Максимъ.

А стоитъ тутъ у васъ команда?

Гершко.

Какъ-то не стоитъ? Крадутъ такъ, что всѣхъ куръ съ яйцами и съ перьями и со всемъ берутъ.

Максимъ.

У васъ тутъ батальонъ изъ полка князя Лихтенштейна.

Гершко.

Нэ, такъ. Майоръ добрый человѣкъ, а что капитанъ и поручикъ,— то нехай ихъ всѣ черти возьмутъ!

Пракседа.

Ахъ, батюшка! Можетъ, онъ тутъ?

Гершко.

А кто такой?

Максимъ.

Молодой солдатъ—родственникъ нашъ.

Гершко.

Можетъ, онъ тутъ, а можетъ и не тутъ — а я почемъ знаю? (входитъ фельдфебель). Вотъ его спросите; онъ фельдфебель, то долженъ знать, что вамъ нужно.

Пракседа (тихо).

Ахъ, дядюшка! Мнѣ страшно (садится).

Фельдфебель, румяный и толстый, съ палкою и ружьемъ; онъ ставитъ ружье у дверей.

Heb? Hersz! Wi gec!—hab acht—gib sznaps!

Гершко.

Нэ, нэ, заразъ!

Фельдфебель.

Что это за люди?

Гершко.

Атъ! работникъ изъ Березовки; онъ тутъ ночуетъ.

Фельдфебель (подходитъ къ Пракседѣ и треплетъ ее по щекѣ).

А эта ягодка?

Максимъ (становясь между ними).

Садитесь тутъ, господинъ фельдфебель. Это моя дочка.

Digitized by Google

Фельдфебель.

Saperment! Кровь съ молокомъ! Славная жь у тебя дочка, кумъ!

Максимъ (тихо).

Не дурна, только не надо говорить ей этого.

Фельдфебель.

Чтобы, знаешь, отъ этого сердчишко не разыгралось — ist richtig!

Максимъ.

Господинъ арендаторъ! Дай-ка сюда за этотъ цванцигеръ хорошенькой водочки. Мы немножко выпьемъ съ господиномъ фельдфебелемъ и потолкуемъ. И я когда-то былъ солдатомъ. По Италіи, по Венгріи, по Тиролю таки поносила меня нелегкая.

Фельдфебель (подавая ему руку).

Товарищъ, значитъ?

Максимъ (ударивъ по рукѣ).

Товарищъ, братъ. Теперь вотъ топоромъ строю хаты, а въ старые годы не одну изъ нихъ разметалъ штыкомъ.

Фельдфебель (показывая палкой на ружье).

Такъ и это тебѣ знакомо?

Максимъ.

Пріятель, родной! (беретъ ружье и ставитъ къ ногѣ). А ну, попробую, не забылъ ли?

Фельдфебель (встаетъ и командуетъ).

Hab acht! ins Gewehr! (окончивъ ученье, обнимаетъ Максима). Ну, товарищъ! Saperment! Садись же, старый. Выпьемъ теперь и потолкуемъ. А давно тебѣ дали абшидъ?

Максимъ.

Годковъ съ пятокъ будетъ. Въ ваши руки! Это подъ князя Лихтенштейна?

Фельдфебель. (гордо).

Батальонъ карабинеровъ.

Максимъ.

А вы, господинъ фельдфебель, знаете всѣхъ солдатъ въ своей ротѣ?

Фельдфебель.

Saperment! Какой же бы я былъ фельдфебель? Я тутъ за капитана и за поручика. Какъ свои пять пальцевъ, такъ я всякаго знаю съ ногъ до головы.

Максимъ.

А нѣтъ этакъ у васъ въ ротѣ... въ ваши руки!

Digitized by Google

Фельдфебель.

Спасибо,—а кого?

Максимъ.

Молодаго солдата...

Фельдфебель.

У насъ всѣ молодые. Поручику, правда, кончилось вчера 60 лѣтъ; но то всѣ остальные молодецъ къ молодцу. Какъ станутъ въ линію, такъ есть на что посмотрѣть. А какъ онъ прозывается?

Пракседа (про себя).

Ахъ, Боже мой!

Максимъ.

Антонъ Ревизорчукъ.

Фельдфебель.

Есть, есть.

Пракседа (ослабѣвъ, склоняетъ на столъ голову.)

Ахъ!

Фельдфебель (смѣется).

А, вѣрно, сродственникъ! И, должно быть, близкій сродственникъ,—sapristi!

Максимъ.

Фи, Пракседа.

Пракседа.

Ничего ужь, ничего, батюшка. Сама не знаю, что со мной сталось.

Фельдфебель.

Сто чертей! Онъ, должно быть, зять вашъ?

Максимъ.

Ой, былъ бы, былъ бы, товарищъ, еслибъ не взяли его въ рекруты. А теперь, чтожь дѣлать? Надо подождать. А хорошо себя ведетъ?

Фельдфебель.

Ого! Да это первый между всѣми. Парень чистый, стройный, какъ молодая береза. Что прикажешь—не успѣешь вымолвить, — ужь сдѣлано. Въ недѣлю сталъ лучше меня управляться ружьемъ, а это не бездѣлица—sapristi! За одно только не люблю его.

Максимъ.

Боже сохрани отъ чего нибудь дурнаго! Ужь не пьетъ ли?

Пракседа.

Ахъ, батюшка, не грѣхъ ли вамъ?

Digitized by Google

Фельдфебель.

Пфуй! Нѣтъ. Всегда печаленъ—вотъ что; никогда тебѣ не засмѣется, никогда ни шагу съ квартиры, кромѣ службы. За то на службу – первый.

Пракседа (тихо).

Бѣдный Антонъ! Спросите, батюшка, гдѣ его квартира.

Максимъ.

Въ ваши руки, господинъ фельдфебель! За добрыя вѣсти о моемъ будущемъ зятѣ позвольте поблагодарить васъ. Господинъ арендаторъ! Дай-ка сюда вонъ ту фляжечку съ цыдулочкой. Что за нее?

Гершко.

Какъ-то что за нее? Два цванцигера. То рѣдкая водка. Ее всегда паны пьютъ, когда останавливаются у меня.

Максимъ.

Ладно, ладно—на! (даетъ ему деньги). Господинъ фельдфебель! возьмите это; часомъ придется гостей попотчивать.

Фельдфебель.

Развѣ что отъ товарища,—иначе... sapergient! (прячетъ фляжку).

Максимъ.

Собирайся же, Пракседа (кладетъ на плечи котомку). Господинъ фельдфебель! Нельзя ли показать намъ его квартиру?

Фельдфебель.

Съ охотой; она недалеко отъ моей, и мнѣ по дорогѣ. Только его теперь дома нѣтъ.

Пракседа (испугавшись).

А гдѣ жь онъ?

Фельдфебель (смѣется).

Вишь какъ перепугалась, будто его за сто миль откомандировали! Вотъ что значитъ быть молодымъ! (бьетъ себя по брюху). За меня этакъ никто не испугается. Ну, не бойсь, моя ягодка: онъ недалеко. Я только что развелъ караулъ, и оставилъ вашего Ревизорчука у магазина за городомъ.

Максимъ.

А далеко этотъ магазинъ?

Фельдфебель.

Э, нѣтъ! Ступай прямо улицей; шаговъ 50 за городомъ, большое строеніе на лѣво (беретъ ружье).

Максимъ.

Пойдемъ же, пойдемъ, Пракседа.

Digitized by Google

Гершко.

Нэ, какъ это? То ужь не будете ночевать?

Максимъ.

Нѣтъ.

Гершко.

Нэ, какъ же это будетъ? Ко мнѣ заѣхали бы паны.

Максимъ (даетъ ему деньги).

На, тебѣ, жидъ!

Гершко.

Такъ же и говори.

Фельдшебель.

Reb' Hersz! Gut Nacht! (выходитъ; за нимъ Максимъ и Пракседа).

Гершко (замыкаетъ за ними двери).

Атъ, большой панъ! Тьфу! (тушитъ свѣчу и выходитъ).

СЦЕНА II.

Большое строеніе въ пустомъ мѣстѣ. Ночь.

Антонъ (ходитъ по плацу, потомъ останавливается, опершись на ружье.)

Темно. Холодно. Вѣтеръ потянулъ такъ скверно и свѣжо, какъ тамъ на горахъ, которыхъ я, можетъ, никогда ужь не увижу. Гдѣ они? И слѣдъ ихъ потерялъ я. Не знаю даже, какъ далеко отсюда до Черемоша, на берегу котораго сидитъ теперь, задумавшись, моя Пракседа, слушаетъ, какъ шумятъ его волны и ждетъ меня. О, не жди, не жди меня, милая моя! Я тогда воротусь, когда воды, унесшія меня, помчатся назадъ, потекутъ къ истоку своему. (Ходитъ; черезъ минуту.) Столько дней, столько мѣсяцевъ, и ни вѣсточки отъ нихъ!... И кому-жь принесть мнѣ ихъ? Какъ можетъ найти меня привѣтное слово матери и моей суженой? Ихъ земля такъ широка, ихъ войска такъ много, а я одинъ среди тысячей. Но полно объ этомъ думать. Надо служить до конца и воротиться тогда, когда мать будетъ въ могилѣ, а Пракседа женою.... только не моей. (потрясаетъ ружьемъ.) Тяжелъ ты, пріятель. (черезъ минуту) Хороша и богата тутъ земля; нивы тутъ такъ зелены; на деревьяхъ висятъ румяныя яблоки, чернѣютъ сочныя сливы; на широкихъ поляхъ, словно армія, выстроилась пшеница и волнуется рожь, — а мнѣ все скучно, тѣсно, душно. Бывало, когда я стоялъ одинъ на вершинѣ Черной горы, когда оглядывалъ на десять миль вокругъ меньшія горы, поднимавшіяся, какъ огромныя скирды зеленаго сѣна, когда подъ ногами моими тянулись облака, а надъ головой шумѣлъ только крыльями мо-

Digitized by Google

гучій орелъ,—о, какъ мнѣ бывало отрадно, какъ весело и привольно! Неужто я никогда не увижу моихъ елей, не освѣжу моей груди водой Черемоша, не вздохну на полонинахъ горнымъ воздухомъ?.. Нѣтъ, этого быть не можетъ! Я не умру тутъ, я увижу васъ непремѣнно и скоро увижу! (погружается въ раздумье) Такъ, брось ружье, бѣги съ своего поста; на двухъ миляхъ поймаютъ тебя и разстрѣляютъ, и только душа твоя пролетитъ надъ той землею, гдѣ ты родился, но никогда не увидишь ты ее очами. Нѣтъ, братъ, не тебѣ мстить обиду матери, не тебѣ отереть слезы съ очей Пракседы! Предоставь это Богу, а самъ вертн ружьемъ, ходи взадъ да впередъ тамъ, гдѣ тебя поставятъ, смотря за добромъ хозяйскимъ, пока тебя не смѣнятъ. Цсъ, кто-то подходитъ. (громко) Кто идетъ?

Максимъ (подходитъ медленно, перемѣняя голосъ).

Свой, господа служба! Добрый вечеръ! Скорой перемѣны желаемъ.

Антонъ.

Спасибо! А чего ходите тутъ по ночи? Тутъ никакой нѣтъ дороги.

Максимъ.

Мнѣ говорили, что около магазиновъ дорога въ Березовку.

Антонъ.

Вамъ солгали. Ступайте себѣ съ Богомъ назадъ. Тутъ нельзя ходить въ такую пору.

Максимъ.

Не въ наше ухо, господа служба, дѣлаютъ то, чего нельзя, одни по неволѣ, какъ я вотъ теперь, другіе нарочно. А вамъ не страшно караулить одному въ такомъ пустомъ мѣстѣ?

Антонъ.

Чтожъ бы я былъ за солдатъ, еслибъ было страшно?

Максимъ.

Такъ вы, стало быть, охотою пошли въ солдаты? Нѣмцы, впрочемъ, умѣютъ придать охоты. Я это самъ знаю очень хорошо.

Антонъ.

Развѣ ты былъ въ службѣ?

Максимъ

Ой, былъ, и какъ еще былъ! Этотъ пріятель (показываетъ на ружье) не чужой мнѣ....

Антонъ.

Если такъ, то ты знаешь, что въ караулѣ нельзя разговаривать.

Максимъ.

На гауптвахтѣ—такъ, а въ отдаленномъ карауле и въ мирное время

Digitized by Google

отъ чего жь не поговорить, если подойдетъ человѣкъ добрый, бывалый, старый служака, который видѣлъ и горы, и долины, и поля, и лѣса, и надъ моремъ бывалъ? Три часа простоять одному—будь оно проклято,—я знаю, каково это.

Антонъ (опираясь на ружье).

Какія жь ты горы видѣлъ?

Максимъ.

Э, спроси лучше, какихъ я не видѣлъ. Кто ихъ тамъ запомнитъ, какъ они называются. Одинъ только и остались у меня въ памяти.

Антонъ.

Какія жь это?

Максимъ.

Да что тебѣ толковать объ нихъ, господа служба, коли ты никогда въ горахъ не бывалъ?

Антонъ.

Я не бывалъ? (вздыхаетъ)

Максимъ.

Что это съ тобой?

Антонъ.

Ничего, братъ. Ты показалъ голодному кусокъ хлѣба, и не хочешь съ нимъ подѣлиться. Давно ты былъ въ горахъ?

Максимъ.

О, ужь давно! Хорошо тамъ и весело!

Антонъ.

Здорово и привольно!

Максимъ.

Когда станешь на долинѣ, гдѣ рѣка шумитъ и прыгаетъ по камнямъ, тебѣ кажется, что ихъ столько же, сколько лѣсу, которымъ заросли бока ихъ. Поднимись немножко выше,—изъ одной горы выросла тебѣ другая; вскарабкайся еще выше,—поднялась третья, четвертая одна на другую свои исполинскія плечи; стань же на самую вершину Крутой и взгляни тогда на Черную...

Антонъ (бросаетъ ружье и хватаетъ его обѣими руками).

Что—что? Кто ты? Твой голосъ знакомъ мнѣ!

Максимъ.

Я плотникъ изъ Березовки—вотъ и инструментъ мой (показываетъ топоръ).

4

Антонъ (схвативъ топоръ, поднимаетъ его къ верху).

О, знакомъ онъ мнѣ! Какъ разъ по рукѣ! Точь въ точь такой, какъ мой когда-то! На, возьми, ступай съ Богомъ и не искушай меня. Еслибъ я не зналъ, кто я, еслибъ не давилъ меня этотъ бѣлый мундиръ и не блестѣлъ близъ меня этотъ штыкъ—мнѣ показалось бы, что я близъ моей родины,—такъ знакомъ сердцу моему твой голосъ. (бросаетъ топоръ къ ногамъ его). Ступай себѣ, старый, да не дразни меня, сердце мое и безъ того въ ранахъ.

(Закрываетъ себѣ глаза; въ эту минуту подходитъ Пракседа и становится передъ нимъ).

Максимъ (своимъ голосомъ).

Зачѣмъ же думаешь, что только ты помнишь о родинѣ, а она тебя забыла? Развѣ въ горахъ нѣтъ добрыхъ людей, которые бы жалѣли тебя? Антоша!

Пракседа.

Антонъ!

Антонъ.

(Открываетъ глаза, смотритъ на нихъ какъ бы въ недоумѣніи и падаетъ у ногъ Пракседы).

Пракседа.

Встань, другъ мой! Безъ тебя не было для меня ни дня, ни жизни! О, много прошла я, пока не встрѣтила тебя! Какъ же хорошо мнѣ теперь, какъ легко!

Максимъ.

Антонъ! Вставай! Смѣна застанетъ.

Антонъ.

Не будите меня!

Пракседа.

Это не сонъ, Антоша! Я тутъ, съ тобою. Мать тебѣ кланяется.

Антонъ (схватывается).

Матушка? Такъ она жива? Кланяется? (присматривается къ Пракседѣ) Ахъ, это ты, ты моя чернобровая, Пракседа моя! Поди сюда, положи сюда руку; это сердце для тебя бьется. Ты любишь меня? Не правда ли, ты любишь меня? Иначе пришла ли бы ты сюда, далеко такъ? Богъ тебѣ за то заплатитъ! Я бѣденъ. А ты, старый? (тащитъ его къ себѣ) О, да, это вы, Максимъ! Теперь ужь я вижу, а прежде ушамъ моимъ не хотѣлъ вѣрить. И вы, Максимъ, въ вашихъ лѣтахъ пустились въ такую дорогу! О, не заплатитъ мнѣ вамъ всей жизнью моей!

Максимъ.

Мать тебя ждетъ.

Антонъ.

И не напрасно ждетъ. Одна смерть можетъ удержать меня! Она меня не минетъ,—я знаю, но не сегодня и не здѣсь.

Digitized by Google

Пракседа.

О чемъ же ты думаешь, Антоній?

Антонъ.

Не обманывай меня, Пракседа. Я знаю, что ждетъ меня. Я бѣгу съ этого мѣста, на которомъ поставила меня воля цесаря; я бросаю оружіе, которое мнѣ дали подъ присягой; я рѣшаюсь на преступленіе, такое преступленіе, Пракседа, за которое законъ казнитъ смертію, и казнитъ справедливо. Я это знаю, а все таки не могу остаться здѣсь. Туда меня зоветъ мать, зоветъ мщеніе, шумъ родныхъ лѣсовъ и свистъ вѣтра—вѣчнаго жильца нашихъ вершинъ. Пойдемте-жъ!

Пракседа.

Ахъ, что жь я сдѣлала?

Антонъ.

Хорошо сдѣлала! Ну, въ дорогу!

Максимъ.

Эй, Антоша! Гдѣ жь голова-то твоя? Бѣжать въ этомъ мундирѣ? Да ужь не взять ли тебѣ и ружье съ собой?

Антонъ.

Что—жь мнѣ дѣлать?

Максимъ.

Прочь это! Вотъ твоя одежда! (снимаетъ котомку).

Антонъ.

Спасибо тебѣ; давай. (сбрасываетъ мундиръ) Прощай, бѣлая скорлупа! Давила ты меня своей тѣснотой, какъ черепаху. Нельзя тебя оторвать отъ тѣла безъ крови,—пусть же и льется она, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ я родился. (отбрасываетъ ружье). Прощай и ты! За то, что я покидаю тебя прежде времени, можетъ, ты плюнешь мнѣ въ очи и раздробишь черепъ мой. Что жь дѣлать? Туда зоветъ меня долгъ мой.

Максимъ

Вотъ тебѣ въ замѣну! (даетъ ему пистолеты).

Антонъ (всматривается и цѣлуетъ ихъ).

Мои, мои собственные! Максимъ! Пусть же Богъ тебѣ заплатитъ!

(Кладетъ ихъ за поясъ и одѣвается).

Максимъ (даетъ ему топоръ).

И это никакъ твой?

Антонъ.

Мой, мой, Максимъ! Это третья рука горца. Идемте-жъ, а то насъ застанутъ.

Максимъ.

Помни-жъ, Антонъ, ты—плотникъ.

Digitized by Google

Антонъ.

Плотникъ, да,—а кто не повѣритъ этому, такъ я постараюсь убѣдить его вотъ чѣмъ. (потрясаетъ топоромъ, обнимаетъ Пракседу; всѣ уходятъ).

СЦЕНА III.

Деревня Жабинцы. Открытое мѣсто близъ колодезя. Анна входитъ съ ведрами, ведя за руку дочку. Марта сидитъ на землѣ подъ осокой; лицо ея закрыто.

Анна.

Что жъ тебѣ нужно?

Дитя.

Папа нынче воротится изъ Косова?

Анна.

Ну, да.

Дитя.

А привезетъ онъ намъ что нибудь?

Анна.

Лишь бы самъ-то воротился.

Марта (поднимаетъ голову).

Ты правду говоришь, землячка. Не всегда тотъ ворочается домой, кто по добру по здорову изъ него выходитъ.

Анна.

Марта! Что вы меня пугаете!

Марта.

Ты жена Прокопа, а это дочь твоя?

Анна (становитъ ведра и прижимаетъ къ себѣ дочь).

Моя.

Марта.

Привяжи жъ ей камень на шею и брось въ воду!

Дитя.

Мама! Какая она страшная!

Анна.

О, злая женщина! Чѣмъ дитя-то виновато?

Марта.

Она не виновата; для ея-жъ добра я такъ совѣтую тебѣ.

Digitized by Google

Анна.

Для ея добра утопить-то ее?

Марта.

А почему же нѣтъ? Взгляни на меня, на это высохшее лицо,—то съ голоду, — на эти впадшія и пылающія глаза, — то отъ неустаннаго и горькаго плача; на эту грязную и порванную одежду,—некому мнѣ ее вымыть, некому починить,—сама я стара и безсильна, слуги нѣту и дѣтей нѣту—одна, одна на свѣтѣ.... Я сижу при дорогѣ, чтобы добрый человѣкъ, проходя мимо, подалъ мнѣ кусокъ хлѣба; сама не могу заработать, а заработать для меня некому. Сижу теперь тутъ у колодезя, чтобы мнѣ подалъ кто нибудь каплю воды; мнѣ самой не поднять ведра, а принесть некому,—я одна, одна на свѣтѣ.... Такъ не лучше ли было бы, еслибъ мать моя навязала мнѣ камень на шею, и бросила ребенкомъ въ воду?

Дитя.

Мама! Какая она бѣдная!

Анна (закрывъ глаза).

Молчи!

Марта.

Такъ и дочь твоя. Теперь она крошечка, румяненькая, счастливая; теперь она протягиваетъ къ тебѣ ручонки съ улыбкой на устахъ, и хоть набѣгутъ на глазки ея слезы,—въ сердцѣ нѣтъ у ней боли, въ головѣ нѣтъ тяжелой, грызущей думы. Выростетъ твоя дочка, протянетъ руки—но не къ тебѣ уже; захочетъ прижать къ своему сердцу добраго молодца, который ей полюбится. Ты благословишь ее, позовешь попа и сватовъ; сберутся подружки ея, посадятъ дѣвушку, расплетутъ ей косу русую, наденутъ на голову вѣнокъ; а въ ту минуту придетъ такой разбойникъ, какъ твой мужъ, схватитъ ея суженаго и въ кандалахъ отошлетъ въ Куты,—что-жь ты думаешь? Развѣ тогда дочь твоя не скажетъ тебѣ: мама! зачѣмъ ты не привязала мнѣ камень на шею и не бросила въ воду, когда я была ребенкомъ?

Анна.

Ахъ, перестань, Марта, перестань, ради Бога!

Марта.

Или если дочь твоя станетъ матерью, если Богъ дастъ ей сына одного, и она выкормитъ его своей грудью, выкупаетъ своими слезами, согрѣетъ своимъ дыханіемъ, душой своей, и выростетъ сынъ ея, станетъ красой Карпатовъ, любою молвью всей деревни, единственной отрадой, единственной подпорой матери—старухи; а въ ту минуту придетъ такой разбойникъ, какъ твой мужъ, схватитъ его, свяжетъ его въ глазахъ ея, оторветъ ее бѣдную отъ единороднаго дѣтища и броситъ

Digitized by Google

на земь, и оставитъ безпомощной сиротой безъ хлѣба, безъ капли воды, одну, одну на свѣтѣ,—что-жь думаешь? Не будетъ проклинать тебя дочь твоя, что ты не привязала ей камень на шею и не бросила въ воду?

Дитя.

Мама! Пойдемъ отсюда!

Анна.

Марта! Пусть Богъ тебѣ проститъ, что ты терзаешь такъ мою душу!

Марта (встаетъ).

Кто?—я тебѣ терзаю душу? А кто мнѣ растерзалъ душу и облилъ кровью мое сердце? Развѣ вы не заслужили моихъ проклятій? Га, не пожалѣю ихъ! Жена убійцы Прокопа! Да будешь ты вдовой, а дѣти твои да будутъ сироты безъ рубахи, безъ хлѣба!..

Анна (схвативъ ведра).

Бѣги, дитя мое, бѣги!

Марта (идетъ за ней).

Бѣги, бѣги! Чтобъ тебѣ въ домѣ пожаръ застать, въ овчарнѣ заразу, въ колыбели трупъ посинѣлый!.. (уходитъ за нею).

СЦЕНА IV.

Лѣсъ въ горахъ.

Антонъ (на одеждѣ сорцевъ лежитъ возлѣ дерева; черезъ минуту поднимается и оглядывается нетерпѣливо).

Еще нѣтъ его.... Лѣнивъ что-то сталъ Максимъ старый. Чтожь удивительнаго? Ему не такъ нужно, какъ мнѣ (черезъ минуту). Боже мой! Съ какой радостью бѣжалъ я сюда! Какъ забилось сердце мое, когда перешелъ я черезъ Прутъ и увидѣлъ на далекомъ небѣ вершины горъ моихъ родныхъ. А теперь, вотъ передо мной моя деревня, вонъ отцовская хата, вонъ окно, въ которомъ ждетъ меня мать моя,—а мнѣ не весело, мнѣ грустно, до слезъ грустно! Сижу и жду,—кого же? Смертельнаго врага—за тѣмъ, чтобъ припомнить преступленіе его кускомъ свинцу. Проклятая моя доля! Но цсъ—идетъ кто-то! Вѣрно, это Максимъ. (Максимъ входитъ. Антонъ бѣжитъ къ нему и хватаетъ его за руку) Что—дома?

Максимъ.

Въ Косовѣ.

Антонъ.

Скоро воротится?

Максимъ.

Сегодня.

Digitized by Google

Антонъ.

Сегодня? Ну, хорошо. Подожду. (ходитъ, Максимъ поглядываетъ на него съ безпокойствомъ). Максимъ! Пракседа у матушки?

Максимъ.

Да.

Антонъ.

Ступай и ты туда, добрый Максимъ. Приготовьте ее. Еслибъ бѣдная матушка увидѣла меня нечаянно, она умерла бы отъ радости.

Максимъ.

Слушай, Антонъ. Мнѣ хочется сказать тебѣ кое-что.

Антонъ.

Ни слова! Дитя что ли я? Не знаю, что дѣлаю? Я поклялся въ душѣ моей, и сдержу мою клятву. Ступай же, пожалуста ступай, Максимъ! Я остаюсь тутъ. Отсюда видно ту дорогу, по которой онъ будетъ ѣхать домой. Га! Пусть же сегодня посчитается съ своей совѣстью, завтра для него не будетъ.

Максимъ.

Какъ себѣ хочешь, Антонъ. Мнѣ, однакожь, кажется, что лучше бъ было для всѣхъ насъ, еслибъ ты его оставилъ. Онъ не стоитъ твоей пули.

Антонъ.

Еслибъ онъ отнялъ у меня свободу по приказу старшихъ, еслибъ убилъ мою молодость по волѣ закона—га! я перенесъ бы терпѣливо мою горькую участь, не сталъ бы обвинять его. Рука должна слушаться и дѣлать то, что голова велитъ. Но здѣсь Прокопъ лишь виноватъ. Его злоба меня убила, его злоба вымела меня изъ деревни, надѣла на меня кандалы, сдѣлала дезертиромъ, отняла мать, Пракседу и все, все! Законъ повелѣлъ, чтобы одинъ сынъ оставался всегда дома и былъ подпорою родителей,—они извратили этотъ законъ, истоптали его ногами, уничтожили. Богъ заповѣдалъ почитать старыхъ, а онъ схватилъ за сѣдые волосы престарѣлую женщину и бросилъ ее о земь. О, нѣтъ! Пусть же сегодня посчитается съ своей совѣстью, — завтра для него не будетъ. (смотритъ на дорогу; хватаетъ пистолеты и кладетъ ихъ за поясъ; беретъ топоръ и вскрикиваетъ) Ого! Смотри! Вонъ онъ! Въ самую пору! Рысью мчится конь его бѣлый. Проворнѣй, проворнѣй; поцалуй жену и дѣтей,—а я тутъ, слѣдомъ за тобой!

(Выбѣгаетъ. Максимъ, наклонивъ голову, выходитъ за нимъ медленно).

Digitized by Google

СЦЕНА V.

Хата Прокопа.

Прокопъ (входитъ, ставитъ карабинъ въ углу, вынаетъ пистолеты и сбрасываетъ плащъ).

Ну, слава Богу! Вотъ человѣкъ и дома. Вездѣ хорошо, а дома лучше. Гдѣ жь это моя баба? Эй, дѣти! Никого нѣту. Вѣрно, по воду пошла. Дорога неблизкая, ведры тяжелыя, а она у меня, бѣдненькая, точно барышня какая, такая нѣжная. (садится) А можетъ, и къ сосѣдкѣ зашла побалакать—ну, грѣхъ небольшой, коли все приготовлено. Одно только скверно—дьявольски ѣсть хочется, а подать некому. А, вотъ и она.

Анна (бѣдная и смущенная).

Ахъ, Прокопъ, ты ужь тутъ? (бросается къ нему на шею и плачетъ).

Прокопъ.

Анна! Богъ съ тобой! Что ты?

Анна.

Ничего, ничего, теперь ужь легче.

Прокопъ.

Чего-жь ты такъ испугалась?

Анна.

Другъ мой! Вѣрно, ты что нибудь дурное сдѣлалъ?

Прокопъ.

Что это значитъ, Анна?

Анна.

Ахъ, то значитъ, что бѣда надъ нами. Сейчасъ только я видѣла Марту. Страшно и больно взглянуть на нее, а слова ея камнемъ падаютъ на сердце. За чѣмъ ты вмѣшался въ это дѣло? Это грѣхъ, Прокопъ. Она проклала меня и дѣтей моихъ.

Прокопъ.

Только-то? (смѣется) Гдѣ у тебя голова, милая Анна? Есть чего пугаться!

Анна.

Проклятіе, другъ мой.

Прокопъ.

Пустыя слова—не больше. Еслибъ проклятіе старой бабы могло сдѣлаться пулей и порохомъ, это дѣло другое. Тогда и я сказалъ бы: худо, берегись. А теперь смѣйся тому, или, если тебѣ ее жаль, пожалуй, плачь себѣ съ нею; а между тѣмъ, дай-ка мнѣ чего нибудь поѣсть. Я голоденъ и страхъ какъ усталъ.

Digitized by Google

Анна (накрываетъ на столъ въ томъ углу, гдѣ оружіе Прокопа).

Ахъ, это проклятіе матери, другъ мой! Оно страшнѣе пороха и пули. Я—сама мать, и чувствую, что до тѣхъ поръ не переставала бы вопить, пока Богъ не покаралъ бы того, кто меня обидѣлъ.

Прокопъ (садясь за столъ).

Ну, будетъ, давай-ка ѣсть. Все пошло мнѣ хорошо: продалъ шерсть, продалъ брындзу гораздо дороже, чѣмъ другіе. Для мандатарія привезъ боченочекъ винца, которое, признаться, ничего мнѣ не стоитъ. Все зашептали наши мужики, а я отдалъ ему отъ себя. Вотъ что называется дѣльце-то умно повернуть! Нашъ мандатарій пренорядочный оселъ, хоть иногда и по латынѣ болтаетъ. Гдѣ ему распутать то, что я сплету? Теперь буду тутъ хозяиномъ, а онъ въ моихъ рукахъ будетъ только машиной, которою я вымету отсюда, какъ соръ изъ избы, всякаго, кто не угодитъ мнѣ. Да чего жъ ты носъ-то повѣсила, а?

Анна.

Ничего, ничего, я слушаю, что ты говоришь; а на сердцѣ у меня что-то такъ тяжко, такъ тяжко, что вотъ такъ и хочется плакать.

Прокопъ.

Я говорю тебѣ, что ты дура. Ну, поди, поцѣлуй меня, да принеси-ка сметанки, если есть,—освѣжиться немножко.

Анна.

Сейчасъ, мой сердечный. (беретъ съ полки миску и ложку и выходитъ въ боковыя двери).

Прокопъ.

И не возьмутъ же черти эту старую коргу! Вишь какъ напугала мою бабу! Проклятая вѣдьма! Да постой, я съ ней расправлюсь. (Антонъ входитъ средними дверьми и останавливается) Кто еще тамъ? Чтожь не откликаешься? Кто тамъ? (оглядывается въ испугѣ) Га, это ты! (вскакиваетъ и хочетъ схватить пистолеты. Антонъ стрѣляетъ, Прокопъ падаетъ мертвый.)

Анна (вбѣгаетъ въ ужасѣ).

Что тутъ сдѣлалось? Кто ты? Ахъ! Сынъ Марты! (падаетъ безъ чувствъ у трупа мужа).

Антонъ.

Да, сынъ Марты, а ты вдова. (Хочетъ выйти и встрѣчаетъ въ дверяхъ Максима; за нимъ идутъ Марта и Пракседа).

Максимъ (взглянувъ на трупъ).

Ужь поздно.

Марта.

Антоша, Антоша, сыночекъ мой! Ты здѣсь и не спѣшишь ко мнѣ? Сюда сначала пришелъ.

Digitized by Google

Антонъ.

Тутъ нужнѣй была работа. Взгляни туда, матушка!

Марта.

Убитъ?

Антонъ.

Убитъ,—это тотъ, кто бросилъ тебя о-земь, кто ударилъ тебя въ грудь ногою, вонъ и вдова его.

Марта.

Совершилось мое проклятіе! Богъ услышалъ мольбу матери, и воротилъ мнѣ сына, отмстителя моей обиды! Поди же, обними меня, дитя мое! Еслибы ты зналъ, сколько они меня мучили, прежде нѣмъ сказали, что ты пришелъ. Они ждали, чтобы сердце матери не разорвалось отъ избытка радости. Ахъ,—оно высохло отъ тоски, одеревенѣло отъ плача. Ты только можешь дать мнѣ жизнь и радость. Поди же сюда, утѣха ты моя!

Антонъ.

Нѣтъ, матушка, не на радость, не на утѣху твою воротился я. Я пришелъ лишь отмстить за твою обиду.

Марта.

Боже мой! Что ты говоришь, Антоша?

Антонъ.

Дѣло ясное, матушка, ты и сама его поймешь. Я—дезертиръ и убійца. Для меня нѣтъ мира, нѣтъ пріюта между людьми, также какъ и для тебя нѣтъ утѣхи, нѣтъ радости. Меня у тебя взяли по законной формѣ, и я самъ по своей волѣ не могъ къ тебѣ воротиться, Матушка! У тебя ужь нѣтъ сына! Передъ тобой только отмститель твоей обиды. (беретъ Пракседу за руку) Вотъ твое теперь единственное дѣтище! Она будетъ почитать и до послѣдней твоей минуты беречь и служить тебѣ.

Марта.

А ты, а ты?

Антонъ.

Я?... Я, матушка, долженъ теперь прятаться.

Марта.

Да тамъ же домъ твой, Антоша!

Антонъ.

Для меня нѣтъ дома. Мой домъ—ущелья и пустыни; а родные мои—убійцы. (выходитъ, за нимъ Максимъ).

Марта (въ изнеможеніи).

О, я несчастная!

Digitized by Google

Пракседа (падает и обнимает ея колѣни).

Горе намъ!

Анна (поднимается).

Горе вамъ! (Заливѣсь падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Передъ хатой Антона. Ночь. Пракседа сидитъ подъ деревомъ; близъ нея стоитъ Антонъ. Мѣсяцъ выглядываетъ изъ-за горъ.

Антонъ.

Не плачь, Пракседа.

Пракседа.

Я погубила тебя.

Антонъ.

Не ты, бѣдная, не для тебя я воротился. А матушка спитъ?

Пракседа.

Уснула. Она долго ждала тебя. По цѣлымъ днямъ сидитъ у окна, смотритъ—смотритъ, пока изъ силъ не выбьется, да такъ и заснетъ.

Антонъ.

Бѣдная матушка! Выкормила меня, выростила, чтобъ я былъ ея радостью и подпорой, а я—разбойникъ.

Пракседа.

Сердце твое чисто.

Антонъ.

Но рука моя окровавлена, запятнана грабительствомъ.

Пракседа.

Мы тебя такъ любимъ, Антонъ!

Антонъ.

Тѣмъ хуже для меня. Лучшебъ вы померли. Въ могилѣ не стыдятся ни сына, ни суженаго. Я бы тогда былъ свободенъ, слонялся бы съ одной горы на другую, съ одного конца въ другой, и жестоко бы мстилъ за вашу и мою обиду людямъ злымъ, богачамъ немилосердымъ. Передъ убійцею, котораго можно повѣсить, дрожали бы всѣ убійцы, для которыхъ законъ не положилъ висѣлицы.

Пракседа.

Такъ ты желаешь нашей смерти?

Digitized by Google

Антонъ.

Я желалъ бы вашего спокойствія. Да что попусту толковать! Мнѣ надо спѣшить. Прощай же, Пракседа. Теперь на меня охотятся, какъ на медвѣдя. Вчера недалеко отъ дороги, которою проѣзжалъ комиссаръ изъ Кутъ съ объѣздчиками, я лежалъ за колодой и слышалъ разговоръ ихъ. Насъ окружаетъ значительный отрядъ войска. Ужь знаютъ притонъ нашъ; надо искать другаго.

Пракседа.

Еслибъ не матушка, я пошла бы съ тобой.

Антонъ.

Нѣтъ, Пракседа! Ты не можешь быть женой опришка. О, какъ только взгляну я на эту хату, гдѣ родился я и выросъ — всегда тѣснится въ голову мою то, что я думалъ тогда, когда полюбилъ тебя. Ты была бы хозяйкой, ждала бъ возврата моего на этотъ порогъ; тутъ бы я сталъ учить сына твоего бѣгать по горамъ, догонять сернъ, отсѣкать топоромъ самыя высокія вѣтви, быть великодушнымъ и смѣлымъ, бояться только Бога и закона, — Пракседа, Пракседа, — и все это погибло!

Пракседа.

Антонъ! Перестань! Я съума схожу! О, горе мнѣ!

Антонъ.

Да, горе, горе тебѣ, бѣдная! Не идти ужь тебѣ замужъ. Ты была невѣстой разбойника!

Пракседа.

Возьми меня! Я буду женой твоей и вмѣстѣ съ тобой погибну!

Антонъ.

Нѣтъ, Пракседа, не бывать этому! Сними съ руки это кольцо, которымъ ты связалась со мной. (снимаетъ) Въ знакъ развода и вѣчной разлуки, я брошу его въ глубину Черемоша. У меня теперь другая жена. Скоро она охватитъ шею мою тонкой и гибкой рукой, и будетъ держать меня въ своихъ объятіяхъ до тѣхъ поръ, пока коршуны не выклюютъ очей моихъ. Эта жена моя — висѣлица.

Марта (изъ хаты).

Пракседа!

Антонъ.

Слышишь? (обнимаетъ ее проворно) Пока голосъ этотъ не умолкнетъ навѣки — живи, живи, моя Пракседа! (быстро выходитъ, закрывъ себѣ глаза).

Пракседа.

Я съума сойду! Сама не знаю, что дѣлается со мной. Гдѣ я? Кто-то звалъ меня. Кто? (осматривается дико).

Digitized by Google

Марта (въ хатѣ).

Пракседа!

Пракседа.

А! Это ты! Иду, иду. (выходитъ).

СЦЕНА II.

Дикое мѣсто въ лѣсу между скалами. Горитъ костеръ. Опришки въ разныхъ положеніяхъ. Ночь.

Одинъ изъ Опришковъ (стоитъ впереди съ чаркою въ рукѣ и поетъ):

Гей, братья Опришки! Долейте мнѣ чарку,
Подвиньте дрова-то къ огню;
Я водочки выпью; промочится горло,
И пѣсенку вамъ пропою.

Пока на долинахъ трава зеленѣетъ,
Пока покрыты листьями лѣсъ,—
Въ горахъ и ущельяхъ, за пнемъ, за колодой
Не сыщетъ и самый пасъ бѣсъ.

Какъ коршунамъ, скалы намъ служатъ притономъ,
Спокойно мы спимъ тамъ звѣздъ,—
Но спустится только лишь ночь на долины —
Свершаемъ мы грозный наѣздъ.

Любаго барана беремъ мы изъ стада
Себѣ на дешевый обѣдъ;
Нѣтъ водки—до жида; нѣтъ денегъ—къ проѣзжимъ:
Давай, коли милъ тебѣ свѣтъ!

Табакъ мы несемъ отъ венгерцевъ спокойно,
Объѣздчика пулею въ лобъ, —
Одежду достанемъ въ жидовской лачугѣ,
И драла оттуда въ галопъ.

Гдѣ горы, стремнины, ярыгдѣ ямы —
Тамъ наша и крѣпость, и домъ.
Не страшенъ намъ нѣмецъ, не страшенъ намъ голодъ,
Не страшны намъ вьюга и громъ.

Третій.

Кузьмы и Михайлы нѣту.

Digitized by Google

Пятый.

А цыганъ гдѣ?

Третій.

Этотъ мерзавецъ спитъ со стыда.

Второй.

Чтожь съ нимъ сдѣлалось?

Пятый.

По дорогѣ въ Буркуты онъ встрѣтилъ гуцулку изъ Криворовни: она несла господамъ молоко. Дѣвка славная, небольшаго росту, румяная, чернобровая. Мы лежали тамъ оба на взгорьѣ и ждали, не попадется ли что. Дѣвка идетъ себѣ и поетъ. Цыганъ мой къ ней, и давай просить, чтобъ она его поцаловала.

Высокимъ голосомъ.

Ахъ, онъ паскудникъ!

Пятый.

И дѣвка смѣкнула, что паскудникъ и дрянь. Вотъ она будто и ничего. Только что онъ потянулся къ ней съ рыломъ, — она хвать у него топоръ изъ рукъ и пистолеты изъ за-пояса, да и давай взводить курокъ и мѣтить цыгану прямо въ лобъ, а мой цыганъ драла. Я животики надорвалъ со смѣху. (всѣ смѣются).

Шестой.

А дѣвка?

Пятый.

Плюнула ему въ слѣдъ, взяла топоръ и пистолеты, и пошла себѣ спокойно.

Четвертый.

Молодецъ! Зачѣмъ же ты не завербовалъ ее въ нашу партію? (слышенъ выстрѣлъ) Что это?

Первый.

Ужь не нѣмцы ли?

Второй.

Тебѣ все нѣмцы снятся! Постой, доживешь, что сядутъ тебѣ на шею,—а теперь какого чорта они намъ сдѣлаютъ? Это Антоновъ пистолетъ.

Голоса за сценой.

Гопъ, гопъ, гопъ!

Третій.

Это наши. (входятъ Кузьма и Михайло и ведутъ мандатарія съ завязанными глазами) А это что за птичка?

Digitized by Google

Максимъ.

Развяжите ему глаза. Э! да это ты, господинъ мандатарій!

Мандатарій.

Кон...конеч...конечно, я. Magnanimi Opriscones! Misereamini!! (Всѣ смѣются)

Первый.

Что онъ бормочетъ?

Мандатарій (складывая руки).

Шестая—не убій, седьмая—не прелюбодѣйствуй, осьмая—не укради. Еще седьмая и осьмая—можно и такъ и сякъ, но шестая—шестая... берегитесь.... а то....

Максимъ.

Зачѣмъ же ты, братецъ, не твердилъ себѣ этихъ заповѣдей тамъ въ своей канцеляріи?

Мандатарій.

А, нѣтъ, я завсегда твердилъ, то есть, всякій день.

Максимъ (грозно).

Врешь!

Мандатарій (падаетъ на колѣни).

Mea culpa!

Максимъ.

Какъ же ты попалъ сюда? А?

Мандатарій.

Да среди бѣлаго дня, то есть, самымъ непредвидѣннымъ образомъ. Я спалъ на крутой горѣ и четыре гуцула со мной.

Третій.

А двое тебя взяли?

Мандатарій.

Измѣна, дьявольская измѣна! Двое изъ моихъ гуцуловъ пошли за водою, а двое легли спать. Въ эту минуту эти негодяи....

Кузьма.

Ахъ ты, мошенникъ!

Мандатарій.

Позвольте, позвольте! Я кричалъ, а мои спали; эти меня вязали, а мои спали; эти повели меня, а мои спали, ради того, что они—шельмы.

Максимъ.

Видно, ты заслуживалъ это, братикъ?

Digitized by Google

Однакожъ, помните, что такое начальство, съ этимъ шутить нечего. Грабить — это по вашей части, а приказы отдавать—это по моей. А штандратъ....

Максимъ.

Покажите-ка ему штандратъ!...

Нѣсколько голосовъ.

Веревку! веревку!

Мандатарій.

Помилуйте! Веревку для мандатарія? (смѣется) Ну, полно, что за шутки! Это не хорошо.

Третій.

Можетъ, топора хочешь?

Мандатарій (плачетъ).

Добрые люди! Я же васъ такъ искренне любилъ!

Четвертый (приставляетъ къ его груди пистолетъ)

Ну, такъ мы и поблагодаримъ тебя.

Мандатарій.

Пропалъ же я! (шепчетъ) Pater noster, qui es in coelis.

Антонъ (шибко входитъ).

Что это?

Максимъ.

Кузьма и Михайло схватили на дорогѣ этого господина. Присмотрись-ка, вѣдь это, чай, твой знакомый.

Антонъ.

Подними-ка голову, трусъ!

Мандатарій (взглядываетъ на него съ ужасомъ).

Окончательно пропалъ... Dominus Antonius! Старый пріятель!

Антонъ.

Котораго ты оклеветалъ, какъ нарушителя спокойствія, какъ контрабандиста, подстрекателя гуцуловъ, и за то меня—одинокаго, въ противность закону, отдалъ въ рекруты, сдѣлалъ дезертиромъ, а потомъ разбойникомъ. Что посѣялъ,—то и жни, наварилъ пива,—ну и пей! Петлю ему!

Мандатарій.

Позволь мнѣ помолиться!

Антонъ.

О, и я молился когда-то! Хотя я и простой мужикъ, но умѣлъ молиться, потому что я родился и выросъ тутъ, гдѣ все такъ величе-

Digitized by Google

ственно, гдѣ каждое дерево, каждая скала, каждая вершина, закутанная въ облака, учили меня величію и милосердію Того, Кто сотворилъ все это. А вы отняли у меня и это благо; я не могу уже молиться, не смѣю поднять къ небу рукъ моихъ, потому что на нихъ кровь. Прочь его! Петлю!

Максимъ.

Кажется, безъ веревки обойдемся. Ты убилъ его словами.

Антонъ (всматривается).

Обезпамятѣлъ отъ страху, подлый трусъ. Поднимите его! Какъ онъ трясется, паскудникъ! Прочь его! Завязать ему глаза и вывести на какую нибудь глухую тропинку,—пусть тамъ пропадаетъ! Онъ не стоитъ веревки, отъ которой умираетъ смѣлый опришекъ. (Двое уводятъ Мандатарія) Гола! хлопцы! За мной! Наточить топоры; чтобы у всякаго порохъ и пули были подъ рукой. Притонъ нашъ ужь знаютъ.

Первый.

Милліонъ чертей! Не говорилъ ли я?

Второй.

Откуда ты знаешь это, Антонъ?

Антонъ.

Знаю,—самъ слышалъ. Триста человѣкъ посланы въ разныя стороны. Всѣ стрѣлки, какъ гончіе псы, слѣдятъ за нами. Коммиссаръ изъ Кутъ идетъ на насъ съ отрядомъ прямо сюда. Онъ силенъ; за пазухой у него грозная бумага. Кого поймаютъ—на висѣлицу.

Третій (поетъ):

Гуляйте же, братцы, пока еще можно,
Не долго дадутъ намъ кутить.
Давайте-ка водки, давайте попляшемъ,
Ужь завтра не будемъ мы пить!

Голоса.

Водки! водки!

Антонъ.

Смирно! Ни капли! Черепъ размозжу тому, кто губами коснется фляжки! Слушай! Сегодня же дальше отъ этого притона. Разберите обозъ; всякій на себя по ровной части: хлѣбъ, порохъ и пули; все остальное въ огонь да въ воду. Отъ Чепчина на-право и на-лѣво, не далѣе мили отъ границы,—скрыться на землѣ венгерской. Сидѣть по два, по три—небольше въ неприступныхъ мѣстахъ. Что у насъ сегодня?

Максимъ.

Пятница.

Digitized by Google

Антонъ.

Суббота, воскресенье, понедѣльникъ, — чтобы никто носа не смѣлъ показать изъ своей норы! Слышите?

Всѣ.

Слышимъ, слышимъ!

Антонъ.

Во вторникъ въ полночь, кого не поймаютъ и не повѣсятъ, явится на Черную гору. Изъ среды озера, недалеко отъ берега, торчатъ двѣ ели....

Нѣкоторые.

Знаемъ, знаемъ!

Антонъ.

Супротивъ ихъ, отъ венгерской границы, подъ гору идетъ дорожка между скалами. Отойдите на двѣсти шаговъ. Направо будетъ камень, на которомъ я положу кусокъ холста. Камень этотъ отвалить; тамъ вы увидите пещеру, гдѣ я васъ буду ждать. А теперь собираться живѣе! (Опришки сбираются, Максимъ и Антонъ остаются напереди) Ну, довели меня до крайности. Но чтожь дѣлать? Надо обороняться! Максимъ! Если намъ удастся собраться во вторникъ полнымъ комплектомъ....

Максимъ.

Такъ чтожь?

Антонъ.

Когда нѣмцы будутъ искать насъ здѣсь, то мы тамъ—за плечами... (Слышенъ выстрѣлъ) Что это?

Максимъ.

Вѣрно, кто нибудь изъ нашихъ поподчивалъ мандатарія. (еще выстрѣлъ, другой, потомъ третій).

Максимъ.

Ахъ, это ружья! Къ оружію, хлопцы!

Третій опришокъ (входитъ раненый).

Нѣмцы! Нѣмцы кругомъ! Бѣгите! (Падаетъ и умираетъ. Новый выстрѣлъ убиваетъ опришка близъ Антона).

Антонъ.

Бросайте все, и бѣгите въ разныя стороны! (выстрѣлъ ранитъ Антона) Ого, нашелъ таки меня, пріятель! Максимъ! Иди къ матери, къ Пракседѣ, бѣги, я не могу!

(Падаетъ на одно колѣно. Опришки разбѣгаются. Выстрѣлы съ разныхъ сторонъ. Еще двое падаютъ на сценѣ, которую наполняютъ солдаты и окружаютъ Антона. Черезъ минуту входитъ комиссаръ, офицеръ, за нимъ мандатарій. Солдаты ведутъ нѣсколько связанныхъ опришковъ).

Digitized by Google

Комиссаръ.

Г. поручикъ! Велите еще разъ осмотрѣть весь притонъ до послѣдней щели. Я ихъ хорошо знаю. Не одинъ изъ нихъ, конечно, прицѣпился къ дереву, или прилегъ къ скалѣ.

Поручикъ (фельдфебелю).

Возьми человѣкъ 20 и осмотри кругомъ всѣ подозрительныя мѣста. Прочь эти трупы! (оттаскиваютъ ихъ въ сторону)

Комиссаръ.

Сколько поймали?

Офицеръ.

Разъ, два, три... всего, пять.

Комиссаръ (къ связаннымъ).

Кто вашъ атаманъ? (всѣ молчатъ).

Мандатарій (выходитъ и показываетъ на Антона).

Hic est! Для того, что я хорошо его знаю.

Комиссаръ.

Осмотрѣть и перевязать его рану! (поднимаютъ Антона и перевязываютъ)

Мандатарій (подходитъ).

Убійца, то есть, рабойникъ! Плутъ, то есть, мошенникъ! Въ петлю, то есть, на висѣлицу! Бога ты не боишься! Подстрекалъ молодыхъ противъ старшихъ, провозилъ контрабанду, убивалъ объѣздчиковъ, бѣжалъ изъ полка, собралъ злодѣевъ! Да и на воловьей кожѣ не переписать твоихъ злодѣйствъ! (подходитъ ближе) Мошенникъ! Разбойникъ! Опришекъ!

Антонъ (презрительно).

Лягушка! Прыгаешь теперь на поваленное дерево! Такъ-то ты благодаришь, что я не велѣлъ тебя повѣсить? Господинъ коммисаръ! Еслибъ вы видѣли часъ тому, какъ этотъ трусъ валялся у ногъ моихъ, словно потертый крейцеръ, вы постыдились бы имѣть съ нимъ дѣло и не позволили бы ему ротъ открыть при себѣ.

Мандатарій.

Nova culpa! Новое доказательство дерзости!

Комиссаръ.

Молчать, милостивый государь! (Мандатарій, сконфуженный, отходитъ въ сторону.) Ты былъ ихъ атаманомъ?

Антонъ.

Я.

Комиссаръ

Сколько было въ твоей шайкѣ?

Digitized by Google

Антонъ.

Я отвѣчаю только на то, что меня касается.

Комиссаръ.

Какъ тебя зовутъ?

Антонъ.

Антонъ Ревизорчукъ.

Комиссаръ.

Такъ это ты убилъ стрѣлка Прокопа въ его собственномъ домѣ?

Антонъ.

Я.

Комиссаръ.

За что?

Антонъ.

Онъ отдернулъ за волоса мою мать-старуху, бросилъ ее о-земь, и ударилъ въ грудь ногою.

Комиссаръ.

А за чѣмъ ты дезертировалъ?

Антонъ.

Чтобъ убить его.

Комиссаръ.

За чѣмъ же сдѣлался потомъ разбойникомъ?

Антонъ.

Странный вопросъ! Что жь мнѣ было дѣлать?

Комиссаръ.

Развѣ ты думалъ, что этимъ способомъ твое преступленіе останется безъ наказанія?

Антонъ.

Нисколько! Я хотѣлъ только продлить время, чтобъ не убить матери-старухи. Послѣ ея смерти я самъ хотѣлъ отдаться въ ваши руки.

Комиссаръ.

Можетъ, еще кого нибудь ты убилъ, кромѣ Прокопа?

Антонъ.

Вчера, передъ самымъ полднемъ, твой конь, господинъ комиссаръ, выходя изъ рѣки Черемоша, споткнулся такъ, что ты чуть не свалился черезъ его голову.

Комиссаръ (удивленный).

Ну, чтожь дальше?

Digitized by Google

Антонъ.

Выѣхавъ на дорогу, ты слѣзъ на земь, усѣлся на колодѣ, и велѣлъ объѣздчику сѣдло поправить.

Комиссаръ.

Какъ? Такъ ты меня видѣлъ въ ту пору?

Антонъ.

Я былъ отъ тебя шагахъ въ десяти и слышалъ, что говорилъ ты. Хочешь, чтобъ я повторилъ?

Комиссаръ.

Довольно! Я вѣрю.

Антонъ.

Если я въ ту пору не убилъ того, у котораго былъ приказъ меня повѣсить, то будешь ли ты теперь спрашивать, не убилъ я еще кого нибудь, кромѣ Прокопа?

Комиссаръ (про себя).

Дивная натура! (вслухъ) Что ты можешь сказать въ свое оправданіе?

Антонъ.

Ничего. Я бѣглецъ, убійца и разбойникъ!

Комиссаръ.

Ты знаешь, что ожидаетъ тебя?

Антонъ (съ покорностью).

Знаю,—висѣлица.

Комиссаръ.

Черезъ 24 часа, несчастный.

Антонъ.

Боже мой, какъ долго!

Комиссаръ.

Не имѣешь ли ты какой просьбы?

Антонъ.

Господинъ комиссаръ! Дорога въ Куты идетъ мимо моей хаты. Позволь мнѣ отдохнуть тамъ съ четверть часа, посмотрѣть на ту кровлю, подъ которой я родился, послушать шуму того дуба, подъ которымъ я, тогда хлопецъ невинный и счастливый, скакалъ всякій день.

Комиссаръ (тронутый).

Хорошо! (офицеру) Чего бы я не далъ, чтобъ спасти его! Идемъ!

Офицеръ (солдатамъ).

Окружить его! По пяти человѣкъ со всѣхъ сторонъ! Не зѣвать! (Командуетъ) На пле-чо! Маршъ! (выходятъ).

Digitized by Google

СЦЕНА III.

Мѣсто надъ самымъ Черемошемъ. Вдали видна деревня. Максимъ входитъ и садится на камнѣ. Съ противной стороны крадется опришекъ и хватаетъ его за руку.

Опришекъ.

Максимъ! васъ не поймали?

Максимъ.

И дурно сдѣлали.

Опришекъ.

Я бѣгу въ Молдавію.

Максимъ.

Ступай себѣ съ Богомъ; я тутъ останусь.

Опришекъ.

Ужь они въ деревнѣ. Солдатовъ тамъ, какъ снѣгу. Бѣгите, васъ схватятъ!

Максимъ.

И повѣсятъ. Эка бѣда какая! Есть чего бѣжать. Наша жизнь, братъ, не такова, чтобъ ее стоило беречь.

Опришекъ.

Ой, горе, горе! (Вдали показывается Пракседа; она идетъ медленно, глядитъ на нихъ долго, потомъ отворачивается и идетъ дальше). Но что это за дѣвка съ распущенными волосами? Боже мой! Какая она страшная!

Максимъ.

Несчастная! Полюбила его, какъ душу свою; ходила за нимъ 60 миль, воротила матери-старухѣ, была дочерью ея, служанкой. Я пришелъ и сказалъ ей: «Пракседа! Антона взяли нѣмцы и завтра повѣсятъ», — вскрикнула, схватила себя за голову, словно боясь, чтобъ она не треснула, поблѣднѣла какъ смерть,—и ни слова. Не смѣется и не плачетъ. Еще осталась въ ней жизнь, еще открыты ея глаза, но души ужь нѣтъ въ этомъ тѣлѣ. Какъ жаль, что я не убилъ ее этими словами, какъ старуху Марту!

Опришекъ.

Бѣдная! Смотри, куда она идетъ?

Максимъ.

Пракседа!

Пракседа (останавливается).

Съ чего ты это взялъ? Это ужь давно было! Когда орелъ схватитъ на кладбищѣ кость, занесетъ ее на Черную гору, и побѣлѣетъ эта кость

Digitized by Google

отъ вѣтру и снѣгу,—вы придете, взглянете и скажете: это Пракседа. Какъ же это можно узнать? Идите лучше туда, куда васъ просили. Туда ужь много гостей пошло, и всѣ чисто одѣты, какъ снѣгъ. И Марта ихъ ждетъ, и васъ она ждетъ. Она лежитъ тамъ на лавкѣ посреди избы, да такая холодная, твердая. Въ головахъ у ней двѣ свѣчки горятъ, а въ ногахъ старая кума сидитъ и плачетъ. Такъ и надо. Когда въ церкви звонятъ, и могильщикъ стоитъ съ лопатой, то люди смѣются; а когда дѣвушку убираютъ къ вѣнцу, то она плачетъ, и мать плачетъ, и подруги плачутъ,—а все таки весело. Ступайте же и вы,—и вамъ тамъ будетъ весело. И я сейчасъ приду. Я ужь набрала много цвѣтовъ; рубашка у меня бѣла, какъ снѣгъ, юбка красна, какъ кровь; нарву только полыни—вѣнокъ себѣ сдѣлать. Славный будетъ вѣнокъ!

Опришокъ.

Бѣдная!

Максимъ.

Несчастная Пракседа!

Пракседа.

Что тамъ за Пракседа? Пракседы ужь нѣту. Она любила Антона; его взяли и повѣсили, а она умерла—бѣдная. Это ужь давно было.

Максимъ (раздумываетъ самъ съ собою).

Гм! Оставить ее въ такомъ видѣ на посмѣшище! Нѣтъ!

Пракседа.

Пракседа была очень несчастна. Она его такъ любила. И лучше сдѣлала, что умерла. И зачѣмъ было жить ей? Ей не то, что мнѣ. Мнѣ тутъ хорошо, весело. Когда человѣкъ не голоденъ, то чегожь ему еще? Когда я была на томъ свѣтѣ, то мнѣ говорили, что тутъ не хорошо, что тутъ плачъ и скрежетъ зубовъ. Неправда! Чтожь изъ того, что Антона повѣсили? Вѣдь это давно было, а теперь ужь нѣтъ того; теперь на рожкѣ такъ славно играютъ, что ажъ рыбки всѣ скачутъ и прыгаютъ въ Черемошѣ. А если Господь Богъ далъ кому умъ, то еще лучше: онъ пойдетъ себѣ прямо въ рѣку и утопится, да и плящетъ тамъ съ рыбками. И я туда пойду. Вы не знаете, что сдѣлалось? Когда онъ прощался съ нею, то снялъ съ ея руки обручальное кольцо и сказалъ, что въ воду броситъ. Я найду это кольцо; оно годится мнѣ на сватьбу. (печально). У меня вѣдь нѣтъ кольца—смотрите, а было такое хорошее; другаго такого, пока жить буду, не найду.

Максимъ.

Боже! Отпусти мнѣ грѣхъ этотъ, можетъ, уже послѣдній. (беретъ ее за руку) Поди сюда, дѣвушка, сюда за мной! (ведетъ ее къ берегу).

Digitized by Google

Прасковья.

Туда? Развѣ тамъ кольцо обручальное? Вотъ что значитъ добрый-то человѣкъ! Нѣтъ лучше горца! Далеко, тамъ, совсѣмъ не такіе люди. Они его взяли и повѣсили. А вѣдь и забыли о томъ, что его станетъ вѣтеръ качать и рвать кудри его черные, что дождь будетъ бить въ лицо его, какъ въ холодное стекло; а тамъ и воронъ прилетитъ, сядетъ ему на голову, вцѣпится когтями своими въ волоса его, нагнется и начнетъ клювомъ выдирать ему глаза.

Максимъ.

Иди, иди сюда, несчастная!

Опришекъ.

Что ты хочешь дѣлать, сумасшедшій?

Максимъ (дико.)

Прочь! Иди. (дѣлаетъ шагъ).

Прасковья.

Скорѣй, скорѣй иди! Пора и мнѣ. Всѣ тамъ ждутъ меня, всѣ ждутъ. (наклонясь надъ берегомъ). У, да глубоко какъ! Туда чтоль?

Максимъ.

Туда, дитя мое! Бѣги отъ людей! Нѣтъ тебѣ житья на бѣломъ свѣтѣ! (Сталкиваетъ ее).

Опришекъ.

Максимъ, Максимъ, что ты сдѣлалъ?

Максимъ (хватаетъ его за горло).

Прочь! А то я задушу тебя! (отбрасываетъ его) Ступай себѣ куда глаза глядятъ, а я пойду къ нѣмцамъ.

(Выходитъ. Опришекъ заглядываетъ въ рѣку, показываетъ жестомъ, что все ужь кончено и уходитъ).

СЦЕНА IV.

Изба въ хоромахъ Антона. Посреди, въ глубинѣ сцены, лежитъ на лавкѣ Марта; въ ногахъ ея сидитъ старуха—кума; въ головахъ горятъ двѣ свѣчи. Ближе, налѣво, стоитъ Антонъ, опершись о стѣну и смотритъ спокойно на трупъ матери. Подлѣ него два солдата. Справа стоятъ комиссаръ и офицеръ.

Комиссаръ (офицеру).

Мы, люди просвѣщенные, себѣ только присвоиваемъ глубокія чувства, и крѣпко ошибаемся Наши страсти тоже, что слои дерева, которые сглаживаются и пропадаютъ подъ сіяющимъ лакомъ. Наша

Digitized by Google

радость, наша печаль смѣшиваются и сливаются другъ съ другомъ, словно тѣнь и свѣтъ на хорошей картинѣ. Но что они въ сравненіи съ взрывами радости и отчаянія этой простой, нерастлѣнной природы?

Офицеръ.

Страшное зрѣлище!

Комиссаръ.

Та несчастная дѣвушка, съ помѣшаннымъ взоромъ—это его невѣста. А вотъ это мать его. Одна вѣсть, одно слово о томъ, что его поймали—ту лишили ума, а эту—жизни. О, кого такъ любили, тотъ не могъ быть злодѣемъ!

Офицеръ.

Жаль.

Комиссаръ.

Смотрите, что за поза! Что за благородная грусть въ глазахъ его! Что за самоотверженіе и любовь на лицѣ его! О, какъ бы я хотѣлъ спасти его! Но нельзя. Законъ не знаетъ пощады и знать не долженъ.

Офицеръ.

Такъ это мандатарій тотъ погубилъ его?

Комиссаръ.

Живъ не буду, если онъ не пойдетъ у меня подъ судъ! Ябедническимъ представленіемъ онъ обманулъ начальство и довелъ его до несправедливости. Такіе чиновники—хуже убійцъ!

(Солдатъ входитъ и говоритъ что-то офицеру).

Офицеръ.

Какой-то старый опришекъ самъ отдался въ наши руки и проситъ впустить его.

Комиссаръ.

Пусть войдетъ.

(Солдатъ впускаетъ Максима. Волоса его всклочены, во взорѣ видно помѣшательство. Онъ идетъ прямо къ Антону).

Максимъ.

Антонъ!

Антонъ.

Га! Это ты! Гдѣ Пракседа? (грустно.) Не узнала меня, Максимъ.

Максимъ.

Знаю.

Антонъ.

Гдѣ жь она?

Максимъ.

Пракседа? На днѣ Черемоша.

Digitized by Google

Антонъ.

Сама бросилась?

Максимъ.

Нѣтъ.

Антонъ.

Кто-жь столкнулъ ее туда,—ты?

Максимъ.

Я.

Антонъ

Спасибо братъ! (выступаетъ спокойно впередъ и говоритъ съ покорностью). Господинъ коммисаръ! Всѣ мои уже въ безопасномъ мѣстѣ. Пора и мнѣ въ дорогу....

(Занавѣсъ опускается).

Дозволено Цензурою. С. Петербургъ. 17 мая 1877 г.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
OCT
CANCELLED
NOV 3 - 1982

Digitized by Google